

The image shows the cover of a book. The background is a dark, textured metal plate with a decorative border and four rivets. A large, jagged crack runs vertically through the center, revealing a bright green dragon's eye. The eye is highly detailed, showing the iris and pupil. The text is written in a white, handwritten-style font. At the top, the name 'Ирина Ени' is written. Below it, the title 'Пойди туда — не знаю куда...' is written in a larger font. At the bottom, in a smaller font, it says 'ПЕРВАЯ КНИГА ИЗ ЦИКЛА "РЫКАРИ"'.

Ирина Ени

Пойди туда —
не знаю куда...

ПЕРВАЯ КНИГА ИЗ ЦИКЛА "РЫКАРИ"

Ирина Енц

Пойди туда - не знаю куда...
Первая книга из цикла "Рыкари"

«Автор»

2026

Енц И. Ю.

Пойди туда - не знаю куда... Первая книга из цикла "Рыкари" /
И. Ю. Енц — «Автор», 2026

Василиса — наследница древнего Рода рыкарей, волков-воинов, веками хранящих равновесие мира. Когда её сестра оказывается во власти Отступников, Василисе приходится пересечь Грань и прикоснуться к тайнам собственного рода. Но чем ближе разгадка, тем яснее становится: самое опасное оружие — не магия, а человеческий страх. И именно ему Василисе предстоит бросить вызов.

© Енц И. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Ирина Енц

Пойди туда - не знаю куда...

Первая книга из цикла "Рыкари"

Пролог

Он летел по лесу, захлёбываясь морозным воздухом, который обжигал лёгкие. Сердце билось где-то в горле, словно собираясь выскочить наружу. Подтаявший было на мартовском солнце снег после внезапно ударивших морозов превратился в жёсткий наст, под которым скрывался рассыпчатый, крупяной омут.

На очередном спуске в овраг он с разгона налетел на вытаявшую коряжину, не успев притормозить на ледяной поверхности. Звук сломавшейся лыжи, резанул слух. «Крак» - и он полетел на землю, оцарапав щёку о твёрдый наст. Чертыхаясь про себя, он освободил ногу от второй лыжины и сразу провалился по пояс в колючий зернистый плен.

Внизу, не успевший промёрзнуть, снег был вязким, тяжёлым, и ноги, обутое в добрые унты из лосиного камуза, почти сразу промокли. Но он мало обращал на это внимания, упрямо продолжая брести вперёд, помогая себе руками разгрести режущее, словно стекло, месиво.

И почему он сразу не пошёл по просеке?! Хотел срезать, думая, что так будет быстрее. Он опять мысленно выругался на свою глупую торопливость. Поспешись — людей насмешишь...

Небо, ещё с утра такое ясное, внезапно набрякло тёмными тучами. Погода быстро менялась, что было неудивительно в это время года для их краёв.

Остановившись на несколько мгновений, чтобы отдышаться, он, словно зверь, понюхал воздух. Пахло бураном и ещё какой-то едва уловимой знакомой горечью.

С удвоенной силой он рванулся вперёд.

Вскоре он выбрался на просеку. Снега здесь было уже гораздо меньше, но порывы ветра стали сильнее. Стволы могучих сосен скрипели, предвещая надвигающуюся метель. Первые крупные хлопья снега уже пролетали в воздухе, забиваясь под стволы деревьев, застревая в густом подлеске.

Он остановился на несколько секунд, чтобы оглядеться. Так и есть: клочок видимого горизонта в конце просеки окрасился в тёмно-сизый угрожающий цвет — предвестник надвигающейся стихии.

Порыв холодного ветра растрепал светло-русые, слипшиеся на лбу от пота волосы. Шапку он потерял ещё там, где осталась лежать сломанная лыжа. Да и бес с ней, с шапкой! Главное — успеть.

Чуть согнувшись, преодолевая порывы усиливающегося ветра, он тяжело побежал по просеке вперёд. Разгорячённая кровь стучала кузнечными молотками в висках, отстукивая, будто азбукой Морзе: «Беда, беда, беда...»

Добежав до знакомой ветровальной ели, он опять свернул в лес.

Запах гари он почувствовал раньше, чем увидел низкий хвост тёмно-бурого дыма, ползущий между зарослей молодого сосняка.

Он прибавил шагу и вскоре оказался на берегу небольшого замёрзшего озера, где с незапамятных времён стояла старая изба.

Жадные языки красновато-жёлтого пламени вырывались диковинными лепестками из-под крыши, с удовольствием поедая сухое дерево. Таявший от жара снег стекал тонкими ручейками вниз.

Он остановился как вкопанный, а потом, почти не раздумывая, рванулся вперёд. Волосы затрещали от близкого жара. Запахло палёным.

На ходу стянув с рук фуфайку, он напялил её на голову и, не раздумывая, ринулся в чёрный проём распахнутого входа.

Глава 1

Плотная осенняя ночь сгустилась липкой патокой за окном. Ветер завывал, словно бездомный голодный пёс, швыряя остатки влажных жёлтых листьев в окно. Сейчас только тонкое стекло было для меня единственной защитой от вязкой промозглой темноты, сгустившейся снаружи.

Но никакой тоски или грусти у меня этот вид из окна не вызывал. Просто какое-то философское безмыслие, с которым я пялилась на улицу сквозь эту хрупкую защиту.

В печи уютно, в диссонанс унылому вою, трещали дрова. На столе горела розовато-жёлтым огнём керосиновая лампа. Электричества опять не было. Вчера прошёл ураганный ветер и очень неудачно повалил несколько деревьев на линию электропередач. Асфальтовых дорог тут отродясь не бывало, поэтому сейчас добраться до нашей деревни ремонтной бригаде не было никакой возможности.

Я хмыкнула, не удержавшись, вслух. Тоже мне, ездоки! Возможности у них, видите ли, не было. А как в наши края на охоту или рыбалку ехать — то у них все возможности есть и наше бездорожье им не помеха!

Впрочем, к периодическим отключениям электричества все здесь уже давно привыкли. Поэтому в каждом доме был запас не одной бочки с керосином. Да и свечи я закупала не по несколько штук.

Так что... всё, что нужно для лиричного настроения. Я даже подумывала, не начать ли мне тут стихи писать? Но мысль эта как-то не прижилась. Да и то сказать — какие, на фиг, стихи, когда работы непочатый край!

Хоть большого хозяйства у меня и не водилось, но в деревне без работы не обойтись. Картошку вырастить с капустой надо? Надо. А летом пучок редиски? Обязательно! А окрошку сделать? А какая окрошка без огурчика свежего да укропа? Вот то-то же!

К тому же какое-никакое, а хозяйство у меня всё-таки было: лохматый пёс неизвестной породы ростом с месячного телёнка с поэтичным именем Аргус, да старый кот дымчатой масти, доставшийся мне в наследство от бабушки, с дурацким прозвищем Агроном.

Сестрица, правда, попыталась внести свой вклад в его судьбу, предложив переименовать животинку в «Ваську», но я так на неё глянула, что она, опустив очи долу, пробормотала:

— Прости, это я погорячилась...

Дело в том, что мои романтические родители, не придумав ничего оригинального, назвали меня при рождении Василисой. Но все друзья и близкие (надо полагать, для краткости) стали величать меня Васькой.

Романтиченько, ничего не скажешь!

Правда, я это переварила довольно быстро после замечания, опять же, моей сестрицы Зойки. В очередной раз, когда я страдала в своей комнате по этому поводу, она подошла и презрительно брякнула:

— Скажи спасибо, что какой-нибудь Элеонорой не назвали. А Васька... вполне себе тёплое русское имя.

Я, помнится, тогда даже шмыгать носом перестала, представив, что было бы, если бы... В общем, я предпочла остаться Васькой.

Тем более что, когда после института я пошла на работу, все стали величать меня «Василиса Матвеевна» — почти как былинную Василису Микулишну, которая, судя по легенде, женщиной была мудрой и весьма изобретательной.

Фу ты... Опять меня понесло в какие-то дебри!

Так вот... После смерти бабули нам с Зойкой достался этот дом в наследство. Дом был добротный — в четыре просторных комнаты, с высокой каменной подклетью, хорошим под-

валом и участком, на котором, помимо огорода, был разбит неплохой для наших суровых мест сад из районированных сортов яблонь и вишен.

Некоторое время дом стоял бесхозным. В смысле, хозяева-то у него были — мы с сестрой, только вот жить сюда перебираться не спешили.

Зойка работала экономистом в городе в какой-то крупной компании, и деревенская жизнь её никак не манила. Правда, она с теплотой вспоминала летние каникулы, которые мы с ней проводили у бабули, но дальше воспоминаний дело не шло. Так что...

А я закончила институт, и меня взяли на работу в городской лесхоз. Всё вроде бы складывалось неплохо, но как-то вяло, что ли. Утром кофе, на работу, с работы — спать, а утром опять кофе. Немного поглазеть с пятого этажа на людской муравейник, кишачий внизу, — и всё.

Работа была всё больше бумажной, с редкими выездами «в поле». Через три года такой жизни я уже начала выть волком. Если совсем честно, то стали меня одолевать философские мысли. Были они горькими.

Я что, пришла в этот мир ради ЭТОГО?

И вот тогда-то я и вспомнила про бабулин дом. А почему бы и нет? Собственно, меня можно было назвать «дитя асфальта», так как я выросла в городе. Но романтика леса тянула меня к себе, призывая хлебнуть её по полной программе.

В итоге я переехала в местное лесничество, где с успехом и трудилась уже второй год.

Сказать, что было невыносимо трудно после города жить в такой глуши, я не могла. Но «романтики» всё же хлебнуть довелось по самое горлышко. Правда, как ни странно, мне такая жизнь пришлась по душе, и обратно в город я не рвалась.

Зойка, которая была старше меня на четыре года, время от времени ворчала, что «загнусь я в девицах», так как «из перспективных женихов здесь были только волки». Но меня это не пугало. Волки так волки.

Я, помню, тогда глянула на себя в зеркало, и мне понравилось то, что я увидела: стройная фигура, довольно высокая, правильные черты лица, карие, с лёгкой прозеленью вокруг зрачка, глаза. Коротко стриженные светло-русые волосы очень эффектно контрастировали с тёмными прямыми бровями и довольно густыми ресницами.

Не Венера Милосская, конечно, но ребята в городе на меня оглядывались. Так что «загнуться», по словам сестрицы, в девицах я не планировала и упрямо верила в свою судьбу. Правда, определённо сказать, где я надеялась её встретить, не могла.

Но, как известно, надежда умирает последней.

По крайней мере, я чувствовала здесь себя живой, а не заведённой механической куклой, подчиняющейся неведомому хозяину. И, преодолевая очередные трудности, чувствовала, как во мне просыпается что-то... В общем, своей нынешней жизнью я была довольна.

Деревня была старой, с большим историческим прошлым. Название носила немного рычащее: Рыкарёво. Почему именно так? Пока я над этим не задумывалась. Рыкарёво так Рыкарёво.

И люди здесь жили под стать: суровые, основательные, почти неулыбчивые, закрытые, будто застёгнутые на все пуговицы. Привыкала я к этому долго. Каюсь, даже плакала тихонько, забившись в угол в своём доме. И мысли у меня в такие моменты были невесёлые, можно сказать, бесприютные.

Но прошло полгода, и я стала лучше понимать их. Была в них какая-то основательность и строгое отношение к жизни. Грань между жизнью и смертью здесь ощущалась острее и ближе.

Не было здесь никаких полутонов, сереньких или голубеньких. Если небо — так синее, трава — зелёная, озёра — глубокие, а лес, как жизнь: суров, но справедлив. Никаких тебе розовых сюси-пуси с бантиками и рюшами. Только «да» или «нет» — и ничего между.

И мне это нравилось.

Я умела неплохо стрелять, спасибо отцу. Не скажу, что как снайпер, но по скачущей в ветвях белке попадала. Это моё умение и позволило приоткрыть маленькую щёлочку понимания мира, в котором я оказалась.

Впрочем, охоты я не любила и пользовалась своим умением только в крайнем случае. Но сам этот факт вызывал уважение местных мужиков и завистливое фырканье баб.

Правда, иногда, как, например, сегодня, нападала на меня не то тоска, не то будоражащее душу какое-то предчувствие. Знаете, это как перед дальним путешествием. И вещи уже собраны, и билеты куплены, но до самой поездки ещё не очень близко.

Поэтому чувствуется некоторое томление и маета. Вот-вот, уже совсем скоро, но ещё не сейчас. И это самое «не сейчас» немного нервировало и вносило некоторый диссонанс в моё теперешнее существование.

Погода за окном сильно способствовала подобному состоянию души. Но у меня был Агроном, в печи трещали дрова, а в будке возле крыльца охранял мой покой Аргус.

На этой оптимистичной волне я и оторвалась от созерцания тьмы за окном. Быстро убрав со стола, решила лечь спать. Завтра рано вставать.

Дом был большой. Его ещё строил отец моей бабули, то есть мой прадед Евсей.

Надо сказать, что жизнь у бабули была непростая. Это, если мягко говорить. Полное имя её было Евдокия, одно это уже говорило само за себя. Была она статной, волевой и суровой.

Деревенским и в голову не приходило назвать её Дуней. Все звали её Евдоха. И, кажется, немного даже побаивались.

Она рано осиротела и приняла на свои плечи немалое тогда хозяйство. Замуж вышла рано и родила пятерых детей. Мой дед погиб на войне, а первые трое сыновей не дожили и до десяти годков. В живых остались только последние две дочери — наши с Зойкой матери.

Ну да... Забыла сказать, что Зойка была мне двоюродной сестрой. Если немного пофантазировать, то можно было бы сказать, что нашу семью преследовал рок. Мужчины в ней как-то не приживались.

Да и наши матери ушли из жизни рано. Наша бабуля пережила всех своих детей и покинула этот мир в девяносто шесть лет.

Думаю, она бы с лёгкостью могла прожить и ещё годков двадцать, но... Помню, как она иногда говорила, что устала жить. Но что-то её на этом свете, всё-таки, держало. Возможно, это были мы с сестрой? Нас она любила безмерно. И я помню, как удивлялась, когда кто-то из деревенских говорил, мол, строга Евдокия. Но для нас нежнее и ласковее человека в жизни не было.

Однажды она, глядя на нас с Зойкой, с большой печалью сказала:

— Не смогла я... Теперь вам придётся нести груз нашей семьи на плечах...

После её кончины я долго ломала голову над этой её фразой. Но так ничего и не придумала, кроме как то, что была у бабули какая-то тайна, разгадать которую нам теперь уже было не под силу.

Некоторое время я ещё сокрушалась по поводу того, что мало расспрашивала бабулю о её прошлом и прошлом нашей семьи. Но со временем как-то успокоилась. Что толку сожалеть о несбыточном?

В общем, спать я отправилась в довольно лиричном настроении, если не сказать хуже. Разные мысли бродили безо всякого порядка и толка у меня в голове.

Чтобы как-то от них избавиться, улеглась в свою кровать, предварительно раздёрнув шторы на окне, чтобы любоваться непроглядной теменью, царящей на улице. А вдруг ветер раздует тучи и покажется ясное небо, усыпанное звёздами? Так, глядя в окошко, я незаметно для себя уснула.

Не могу сказать, что мне снилось что-то приятное. Впрочем, неприятное мне тоже не снилось.

Проснулась я внезапно от загроможденного громкого стука в дверь. Если уж совсем честно, то в дверь не стучались, а долбили, уделяя этому занятию немалые силы.

Соскочив с кровати, я кинулась к выходу. Впотьмах налетела на косяк и взвыла от боли, помянув нехорошим словом долбившегося. Зато это заставило меня проснуться окончательно.

Поэтому, уже совершая более осмысленные действия, я, шлёпая босыми ногами по широким половицам пола, вернулась в комнату, накинула тёплую шаль на плечи, на ощупь нашарив её на сундуке, а затем зажгла керосиновую лампу.

Глянула мельком на часы, висящие на стене. Выругалась вслух нехорошим словом и только тогда, донельзя сердитая, отправилась открывать двери.

Спросить «кто?» у меня ума не хватило. Уж больно я была зла на несвоевременно пришедшего.

К тому же где-то краем сознания отметила, что Аргус не лаял, а тихонько поскуливал, как на знакомого. Конечно, если учесть, что в «знакомых» ходила почти вся деревня, то вариантов было множество.

Пребывая в крайней степени раздражения, я отворила дверь, собираясь немедленно высказать пришедшему всё, что я думаю как о нём самом, так и о его воспитании.

Ломиться в двери в четыре часа утра... В общем, моё настроение было вполне понятно и объяснимо.

Подняв «керосинку» повыше, чтобы заглянуть в глаза нежданного гостя, я уже было раскрыла рот, чтобы высказаться, но тут же его закрыла.

На крыльце в весьма жалком состоянии стояла Зойка. Со слипшихся сосульками волос стекали капли воды. Одежда, перемазанная в грязи, тоже была мокрой.

Посиневшие от холода губы и трясущиеся руки, сжимавшие ручки большой дорожной сумки, завершали неприглядную, почти трагическую картину. Голосом, срывающимся на фальцет, она завопила:

— Васька!!! Какого... ты забралась в такую глушь?! До тебя невозможно добраться!!! — и ринулась в дом, чуть не сметая меня на своём пути.

Я едва успела отскочить в сторону, удивлённо тараща на неё глаза. Только что и смогла пропицать ей в спину:

— Зойка? А ты тут откуда?

Сестрица, ворвавшись внутрь, кинула сумку у самого порога и тяжело плюхнулась на лавку возле двери, выдохнув с видимым облегчением. Потом откинулась назад и утомлённо прикрыла глаза. Я стояла над ней, всё ещё с недоумением хлопая ресницами, очевидно ожидая от неё ответа на свой вопрос. Сестрица мой вопрос проигнорировала (а может, и не услышала вовсе, что более вероятно), и мне пришлось его повторить:

— Ты откуда?..

Она приоткрыла глаза, сердито глянула на меня и буркнула:

— Откуда, откуда... От верблюда!

Согласна. Вопрос был довольно глупым. Но нужно было сделать скидку на моё заспанное состояние, в котором я пребывала до сих пор. Думаю, что удар в темноте о косяк двери тоже не оказал благотворного действия на мою умственную деятельность.

Я тяжело вздохнула и опустилась на лавку напротив сестрицы. Молча пялилась на неё, давая ей время прийти в себя, чтобы пояснить её такое, мягко говоря, появление в неурочное время.

Агроном вдруг выполз из-за печи, куда втиснулся с перепугу, когда сестрица долбилась в дверь, и, вздыбив хвост, заорал диким голосом, словно собрался атаковать неожиданную гостью.

Зойка сердито глянула на кота, а потом, со стоном мученицы, стала стягивать с ног грязные сапоги. Справившись с этим нелёгким делом (сапоги были фасонные, городские, словно специально «предназначенные» для наших мест), взглянула на меня без особой приязни и буркнула:

— Ну и чего смотришь? Чай горячий есть? Видишь, я до костей продрогла...

Я суетливо подскочила с места и кинулась к плите. Чайник на печке ещё был горячий, но я решила, что если я его ещё подогрею, Зойка возражать не будет. Кинула в печь пару сухих поленьев, предварительно расшевелив кочергой угли, а затем бросилась собирать на стол кое-какую снедь.

Зойка хмуро следила за мной с таким выражением, будто собиралась укусить. Пока я накрывала на стол с видом сенной девки, которую капризная княжна пнула для пушного ускорения, сестрица стянула с себя промокшее пальто и поудобнее обосновалась за столом, крутя головой по сторонам, словно желая убедиться, сюда ли она попала.

Всё было почти по-прежнему, как при жизни бабули. Ходики с кукушкой на стене так же тихонько тикали, будто двигая стрелки назад, пытаясь повернуть время вспять. В простенках между окнами висели несколько старых пожелтевших фотографий, обрамленных простенькими деревянными рамками. В углу — старый резной буфет из вишнёвого дерева с толстыми рифлёнными стёклами в дверцах, рядом — потёртый сундук с постельным и столовым бельём, накрытый пёстрым ковриком ручной вязки из старых цветных тряпочек.

Увиденное её несколько успокоило, и она опять выдохнула с облегчением.

Я внимательно наблюдала за сестрой, гадая, что же меня беспокоит. Разумеется, в такой суете мысли никак не хотели ложиться ровно и логично, но... Решив подумать об этом позже, я стала наливать по кружкам чай.

Пока моя неожиданная, но дорогая гостья пила горячий ароматный напиток, закусывая его остывшими оладьями, я вопросов ей больше не задавала. Услышать ещё раз её неприветливое «от верблюда» (а может, и чего покрепче) никакого желания не было.

После второй чашки она наконец заговорила. Голос был по-прежнему ворчливым, но уже без особых отрицательных эмоций:

— Машина застряла километрах в пяти от деревни. Пешком пробиралась по вашим бугоркам в темноте. Страху натерпелась, не приведи Господи...

Я только тихонько хмыкнула, не выражая никакого особого сочувствия к мытарствам сестры. По моему скромному мнению, бояться в наших краях было особо некого. Волки у нас на людей ни с того ни с сего не бросались, а люди — как добрые, так и недобрые — в такую пору все по домам сидели. Разбойники здесь тоже как-то не прижились. А кого грабить-то?

Так что все страхи, которых «натерпелась» Зойка, были ею самой и придуманы.

Моё хмыканье незаметным не осталось. Сестра нахмурила свои соболиные брови и строго спросила:

— Чего хмыкаешь? Не все такие смелые, как ты! А я — человек городской, и мне в ваших дебрях не по себе...

Я миролюбиво махнула рукой.

— Да ладно... Чего ты? Не заводись. С машиной утром всё решим. Мужики трактор заведут — и вытащим мы твою «ласточку». Лучше скажи, какого лешего тебя в такое время

сюда понесло? И летом-то за ягодой было не затянуть, а сейчас?.. — и я вопросительно уставилась на неё.

Зойка быстро зыркнула на меня, а потом вся как-то вдруг сникла под моим взглядом и, шмыгая носом, жалобно проговорила:

— Плечо родное срочно потребовалось...

Это было что-то новенькое. Обычно я всегда прибегала плакаться ей в жилетку, когда мне вдруг позарез нужно было «родное плечо». Но сильная, волевая, как «железный Феликс», Зойка...?! Должно было случиться что-то из ряда вон, чтобы...

Она вдруг зло выпалила:

— Я от Славки ушла!

Сначала я даже не поняла, что она сказала, потому что задала опять дурацкий вопрос:

— В каком смысле «ушла»?

Зойка рассердилась и коротко рявкнула:

— Да безо всякого смысла! Ушла — и всё! — потом опять как-то сморщилась и жалобно проскулила: — Васька... Это он от меня ушёл... На какую-то швабру меня променял... — и горько всхлипнула, поглядывая на меня искоса, словно наблюдая за моей реакцией.

Я несколько раз сморгнула. Поверить в такое было трудно. Славка с Зойкой дружили ещё с самой школы, и любовь у них была такая, про какую только в книгах пишут. По крайней мере, мне так всегда казалось. А тут — на тебе! Швабра какая-то! Представить подобное всей моей фантазии явно было недостаточно.

Видя недоумение на моём лице, грозившее перейти в серьёзные сомнения в её словах, сестрица, резко переходя от жалостливости к суровости, строго проговорила:

— Я у тебя поживу маленько.

А потом, видимо решив, что перегибать с суровостью не стоило, опять промяукала с видом бездомного кота:

— Поди, не выгонишь?

Я несколько оторопело закивала головой:

— Конечно... Живи сколько хочешь. — И, чтобы у неё уже не оставалось никаких сомнений в моём гостеприимстве, добавила поспешно: — Это ведь и твой дом.

Зойка деловито кивнула и, подхватив свою грязную сумку, направилась (на мой взгляд, слишком поспешно) к комнате, которую ещё с далёкого детства привыкла считать своей.

Я посмотрела ей вслед с нескрываемым недоумением. Зойка никогда не умела врать, как «разведчик», чтобы ни один мускул, так сказать, и выражение лица, как у индейца. И, насколько я видела, по сию пору этому не научилась. Что-то явно было не так. Только, вот что?

Глава 2

Нечего было и говорить, что до самого утра я не сомкнула глаз. Лежала и пялилась в тёмное окно, а мысли бродили в голове, словно ранняя брага: до готовности ещё было далеко, а процесс уже пошёл.

Я в сотый раз прокручивала свой разговор с Зойкой, припоминая каждую деталь, каждое выражение лица сестры, каждый настороженный взгляд и нервное подёргивание пальцев, пока не пришла к окончательному выводу, что Зойка мне врала.

Скажу честно, подобный вывод привёл меня в состояние лёгкого шока. Зойка мне врала?! Зачем?! За всю свою жизнь я не могла припомнить ни единого случая, чтобы сестра сказала мне неправду. Если таковые ситуации и возникали, то она просто замолкала, скупно бросая: «Не могу сказать», — и всё!

А теперь? Что могло случиться такого, что заставило сестру мне врать?! Ясно было только одно: повод был настолько серьёзным, что... На этом месте моя фантазия начинала давать сбой, буксуя, словно машина в грязи.

Когда в кухне шесть раз хрипло, будто простуженная, прокуковала кукушка в настенных часах, я вздохнула с облегчением. Тихонько поднялась, оделась и вышла из своей комнаты. Подошла на цыпочках к двери Зойкиной спальни и прислушалась. Показалось или нет, что за дверью было слышно тихое сопение сестры? Прадед дом строил на совесть, и через плотно пригнанные дубовые двери звуки плохо проникали наружу.

Хотела было приоткрыть дверь, чтобы убедиться, что сестрица и вправду спит, но тут за спиной громко мякнул Агроном, требуя выпустить его на улицу. Я от неожиданности подскочила на месте, хватаясь за сердце. Сердито глянула на ни в чём не повинную животину и тихо выругалась:

— Чтоб тебя...! Чего орёшь, словно тебе хвост отдавили?!

Кот посмотрел на меня с презрительным прищуром, тем самым выражая своё отношение ко мне как к непутёвой хозяйке, и, задрав хвост, гордо прошествовал к входной двери. Уселся на пороге и требовательно царапнул лапой косяк.

Кота, разумеется, я выпустила, борясь с искушением подпнуть лохматое чудище лего-нечко под зад, чтобы не выделялся в следующий раз. Сдержалась. Нам ещё с ним жить. А то начнёт проявлять свой характер — и тогда неизвестно, кому придётся уступить.

Подбросила дров в печку, поставив на плиту чайник. Но ждать, когда он закипит, уже не было мочи. К тому же мужики из заготовительной бригады приходили в гараж очень рано, и я надеялась застать их там, пока они не выехали на деляну.

Плеснула в кошачью миску немного молока. Конечно, Агроном — ещё тот фрукт, но я помнила, что «мы в ответе за тех, кого приручили». Философствовать попусту на тему, что «приручала» эту вредную скотинку вовсе не я, а бабуля, не стала.

Быстро обулась, натянула тёплый бушлат, подаренный мне прошлым летом благодарным лесозаготовителем из воинской части, сунула в карман маленький фонарик (на всякий случай) и принялась шарить по карманам Зойкиного пальто в поисках ключей от машины. Таковые быстро нашлись.

Сняв чайник с плиты, чтобы не выкипел в моё отсутствие, я тихонько вышла за дверь. В сенях притормозила. Достала фонарик и посветила на лавку, где стояла кастрюля со вчерашними щами. Выудила оттуда здоровенный мосол. Об Аргусе тоже не следовало забывать.

На дворе стояла ночь. Ветреная, холодная, беспросветная. Я зябко передёрнула плечами и вдохнула полной грудью влажный воздух, пахнувший лёгкой горечью печного дыма и прелой осенней листвы.

Заслышав мои шаги, из будки выбрался Аргус. Потянулся со вкусом, зевнув во всю пасть, демонстрируя свои огромные клыки. Слабо вильнув хвостом, подошёл ко мне и тихонько заурчал в ожидании ласки.

Вытащив из-под крыльца его миску, я положила туда кость с добрым куском мяса на ней и потрепала его по лохматой башке. Пёс с достоинством подошёл к еде, но сразу не кинулся, внимательно глянул на меня, терпеливо ожидая моего разрешения.

Я благодушно проворчала:

— Ешь, ешь... Заслужил. Не то что этот серый обормот. Только и горазд, что орать!

Аргус глянул на меня с лёгкой укоризной, мол, почто напраслину на друга наводишь, хозяйка? Я только головой покачала, пробурчав себе под нос:

— Все меня учат, и ты туда же? Ладно... Присмотри тут за Зойкой...

И с преувеличенной бодростью направилась к гаражу лесничества.

Там уже собрались все мои работники. В гараже топилась маленькая буржуйка, и, подсоединённые к аккумулятору, горели пара лампочек.

Двое вальщиков — хмурые, кряжистые мужики, похожие друг на друга, будто родные братья, — возились с пилами. Тракторист Серёга, молодой, лет тридцати восьми, разухабистый мужик, стоял с папироской во рту, облокотившись на коричневый, облезший в некоторых местах кожух своего «железного коня», и травил очередную байку.

Мужики только сдержанно ухмылялись, неодобрительно качая головами. Один из вальщиков, который постарше, Семёныч, в сердцах буркнул:

— Ну и балабол ты, Серёга...

Серёга только коротко хохотнул и досадливо отпарировал:

— Скучные вы люди...! — И, переключившись с вальщиков на сторожа, который уже начал дремать, приткнувшись рядышком на пустом ящике в обнимку со своей берданкой, радостно гаркнул: — Не спи, Гаврилыч! Зима приснится — замёрзнешь!

Сторож испуганно вскинулся, озираясь по сторонам:

— А...? Что...? — Поняв, что это не враги, а просто Серёга, плюнул с досады, проворчав, впрочем, вполне добродушно: — И чего блажишь, словно тебя за причинное место хтось кусает?!

Но тут Серёга, собравшийся было дать достойный ответ, заметил меня и заголосил радостно:

— Мужики!!! Стройся!!! Начальство пожаловало!!!

Мужики, опять покачав головами, посмотрели на меня и вразнобой поздоровались, продолжая заниматься своими делами.

Подойдя к трактористу, я тихо проговорила:

— Ты вот что, юморист... Просьба у меня к тебе будет. Тут у меня сестрица пожаловала ночью. Машина у неё застряла где-то на подступах. Говорит, километров пять от деревни. Но я думаю — не больше двух. Возьми Веньку с собой и притащите, пожалуйста, её колымагу к моему дому. Добро?

Серёга взял ключи и изобразил растерянность, сдвинув замызганную кепку на затылок. Спросил с невинным видом:

— На какой дороге-то?

Я нахмурилась. Сегодня я была не расположена к его дурацким шуточкам. Вздохнула тяжело и проговорила:

— Эх, Серёга... И как тебя только Наталья терпит? Вот доболтаешься — она тебя из дома за твой язык погонит.

Мужики, косившиеся на нас, весело фыркнули. Все прекрасно знали, что Наталья, жена тракториста и она же продавщица в нашем магазине «всяких» товаров, была женщина серьёзная и шуток мужа не любила. И дома Серёга ходил у неё по струнке, изредка позволяя себе «пошутить» над женой, за что и был не единожды бит. Так что выплёскивал он свой юмор только на сослуживцах и соседях.

Он тяжело вздохнул и пробурчал:

— Да ладно... Чего ты, Матвеевна? Притащим Зойкину колымагу в лучшем виде... — И коротко свистнул: — Эй, Венька! Где ты там?

Из-за трактора вылез чумазый паренёк, протиравший ветошью какую-то железяку. Вопросительно уставился на тракториста.

Серёга мотнул головой:

— Айда... дело есть...

Венька шмыгнул носом, вытер лицо тыльной стороной ладони, от чего стал ещё чумазее, и, стараясь изобразить солидность, спокойно, вразвалочку подошёл к нам.

Это был высокий парень лет восемнадцати: светлые волосы, открытые голубые глаза, чуть вздёрнутый нос и красиво очерченные губы. Работал он в лесничестве, можно сказать, на подхвате, дожидаясь весеннего призыва в армию.

То сучки рубил, то хвою собирал, а то, вот как сейчас, помощником тракториста. Руки у парня росли из «правильного места», поэтому его помощь принимали с большой охотой.

Поздоровавшись, он вдруг сделал шаг ко мне и быстрой скороговоркой прошептал:

— Тебя бабка просила заехать, как время будет. Только не затягивай. Она сказала, что это важно...

И, не дожидаясь от меня ответа, легко запрыгнул на гусеницу уже гудевшего трактора.

Железная махина зарычала, дёрнулась и, выплёвывая из выхлопной трубы куски чёрного дыма, рванулась из гаража.

А я стояла и смотрела с некоторым обалдением вслед. Интересно, чего это бабка Прасковья такого важного придумала и специально для меня?

Вообще-то Прасковья была местной знахаркой-травницей. Для такой деревни, как Рыкарёво, это было спасением. Нет, конечно, фельдшерский пункт у нас тут был, но... Вот именно. В нашем медвежьем углу, кроме аспирина, зелёнки и ваты, там найти что-то ещё было сложно.

И такая ситуация была почти во всех лесных деревнях, где лесничество было и местом работы, дающим людям кусок хлеба на жизнь, и милицией, и сельсоветом в одном лице.

А вот бабка Прасковья... Это была таинственная и загадочная персона, о которой стоило рассказать отдельно.

Не могу сказать точно, когда она появилась в небольшом доме, стоявшем на берегу маленького озера в пяти километрах от деревни. На моей памяти она всегда там жила. Её уважали и побаивались. Когда она изредка приходила в деревню за запасом соли и спичек, её старались обходить стороной. Высокая, статная, с красивыми чертами лица и печальным взглядом синих глаз, как у Мадонны с икон, она проходила по деревне, словно тень — отстра-

нённая и неулыбчивая. Сколько ей было лет, я даже и гадать не пыталась. Сколько я её помнила, она была в одной и той же поре, нисколько не постарев за эти годы.

О её семье я тоже ничего не знала. Да и была ли она у неё вообще. Бабки на лавочках возле пестреющих георгинами палисадников шептались об этом, но шепотки эти моих ушей не достигали. Как ни странно, но дети её совсем не сторонились. При редких встречах радостно здоровались, получая в ответ то кусочек сахара, то ласковую улыбку, которая тут же гасла, когда она отводила от них взгляд. Было удивительно, что кусочек обычного сахара из её рук был вкуснее любых конфет. Как-то я поделилась этим фактом с бабулей, на что она спокойно и загадочно ответила:

— Смотри не на то, что снаружи. Смотри, что внутри.

Но когда в деревне случалась какая-нибудь беда: трудные роды или болезнь какая — все шли к Прасковье. О ней было известно, что денег она за свою помощь не брала, но «отдарок» в виде пятака яичек или баночки мёда принимала с благодарностью.

Но это было не всё. На берегу озера, где стоял её домик, порой творились какие-то чудеса: то всполохи непонятного зеленоватого света по ночам люди видели над лесом, то какие-то воюющие и скрипящие звуки, разносившиеся далеко по округе. Скотина, забредающая на озеро, иногда пропадала вовсе. Вслух говорили, мол, берега там топкие, вот коров и засасывало, но во взглядах говоривших был глубоко запрятанный страх перед неизведанным и необъяснимым. Бабы за ягодой в ту сторону старались не соваться, хотя очевидных причин такой опаски, вроде бы, и не было.

В общем, все эти тайны и странности создавали ореол загадочности и даже страха как вокруг озера, так и вокруг самой Прасковьи. Мы с Зойкой, будучи ещё девочками, решили как-то проследить за этим домом. Просидели в кустах часа два и ни с чем, искушенные мошкой и комарами, злые от своей неудачи, вернулись домой. Бабуле о своём «походе» почему-то рассказать побоялись, хотя никаких прямых запретов на посещение тех мест от неё не получали. Промолчали так, на всякий случай. После чего решили, что все рассказы и деревенские шепотки — одна большая глупость местных кумушек. На том и успокоились.

Как ни странно, но у нашей бабушки с этой самой Прасковьей были какие-то дела. Несколько раз она приходила вечерами к нам в дом. Бабуля нас на это время старалась под благовидным предлогом выставить из дома. А один раз, когда на дворе уже была тёмная ночь и выпроводить нас по веской причине не было возможности, мы с Зойкой забрались на печку, изо всех сил притворяясь спящими. И вот какая странность: стоило загадочной женщине войти в дом, как глаза у нас сами собой стали закрываться, и мы уснули с сестрой да так крепко, что бабуле удалось нас разбудить только чуть ли не к обеду следующего дня.

Но я как-то все эти странности и едва заметные нестыковки словно не замечала. И соединить все таинственные происшествия в нашей деревне одной ниточкой даже и не пыталась. Было такое ощущение, что всем кто-то неведомый будто глаза отводил. Но в подобные глупости про «отводил» я упорно не верила. Так вот и жили, словно незрячие и глухие, не слыша и не видя очевидных, казалось бы, вещей.

А сейчас, когда я вернулась в деревню, в бабулин дом, мне разом стали вспоминаться все эти странности. Почему? Да кто ж его знает? Может быть, потому что имя Прасковьи стало всплывать всё чаще то там, то тут. Вспомнилось вдруг, как она стояла, прямая и недвижимая, словно дерево перед грозой, за кладбищенской оградой на похоронах нашей бабушки. А потом, когда все стали расходиться, как-то странно посмотрела на нас с Зойкой и с затаённой печалью тихо прошептала:

— Держитесь теперь, девоньки...

В её словах, казалось бы, не было ничего необычного на фоне того скорбного момента, если бы не слово «теперь». К тому же эти слова как-то очень странно воспринимались в свете бабулиных высказываний о том, что бремя нашей семьи теперь на наших плечах. Всё то же

самое слово «теперь», которое меня стало как-то напрягать. А вот Зойка, кажется, даже не обратила на это никакого внимания. Может, и правильно? Только вот в моей голове в последнее время всё настойчивее звучало это непонятное «теперь». «Теперь, теперь...» — скрипуче звучал ворот колодца, когда я доставала из него воду. «Те-перь! Те-перь!» — отстукивал мне удары колун, когда я колола дрова, и щепки с сухим треском разлетались по сторонам. И отделаться от этого слова, казалось, уже не было никакой возможности. К тому же выяснилось, что в лесничестве работает внук той самой Прасковьи. Внук? Откуда бы? А где же тогда её дети? Никто в деревне этого не знал. Не знал? Или не говорил?

Впрочем, по приезде в деревню забот у меня прибавилось. Первые полгода мне вообще было не до каких-то там раздумий. Нужно было привести в порядок дом, пришедший в упадок за те годы, что никто в нём не жил. Да и на работе... Доказывать, что какая-то городская пигалица способна крепко держать в руках лесничество, получалось непросто. Но я справилась. А потом завертелось, закурилось так, что и в небо некогда было глянуть, не то что о каких-то загадках раздумывать.

Несколько раз мне приходилось бывать у Прасковьи по лекарской, так сказать, надобности. Однажды, по весне, вытаскивая провалившийся под лёд трактор, я чуть не схватила воспаление лёгких. Но благодаря Прасковье всё обошлось лёгким испугом. Именно тогда я уверовала в её способности. К тому же я сама увлекалась травами и обращалась к женщине за консультацией. К старушке... Это вряд ли. Таким словом у меня язык не поворачивался её назвать. Скорее, она походила на какую-то лесную богиню на пенсии. А кто же назовёт богиню (хоть и на пенсии) «старушкой»?

Именно в свете всех этих событий и фактов меня очень озадачило её приглашение, переданное мне через внука Веньку таким почти таинственным образом. Правда, к Прасковье я тут же не кинулась. Работы было выше крыши, и я решила, что поеду к озеру в первый свой выходной день. К тому же с пустыми руками в гости ходить было как-то не принято. А в выходные... Поставлю тесто, испеку пирогов с ягодой и с чистой совестью рвану к Прасковье. Тем более что суббота уже была завтра. А сегодня мне нужно было ехать в пекарню. Мужикам в бригаде нужно было полноценное питание, тем более что уезжали они на деляну на несколько дней. Это была дальняя вырубка, километров за двадцать от деревни, и туда-обратно на тракторе-то не больно помотаешься по нашему бездорожью.

Я завела старенький узик и поехала в пекарню. Из трубы избы, которую издавна приспособили под пекарню, уже вился сизоватый дымок. Здесь не было никаких электрических печей и прочих тестомесов. Всё делалось ещё по старинке, руками: и печи на дровах, и тесто месили в огромном деревянном чане, наподобие большого корыта. Силы и сноровки это требовало немалой. И заведующая пекарней (она же пекарь, завхоз и продавец) тётка Зина вполне соответствовала этим требованиям. Здоровая, под два метра ростом, широкоплечая, как гренадеры Суворова, такая же серьёзная и не улыбкающая, она, как ни странно, имела весьма мягкий, если не сказать робкий, характер. Но это только до поры до времени. Если у кого-нибудь хватало дурачества разозлить Зинаиду, то тут было впору всей деревне в подполах прятаться.

Со своим хозяйством она всегда управлялась сама, без помощников. Сначала, когда я узнала, что весь нелёгкий труд лежит на плечах одной женщины, я возмутилась. А вот когда я увидела, как тётка Зина колет дрова, держа одной рукой колун килограммов шести, а потом, не особо напрягаясь, этой же рукой колет, словно семечки, сучковатые берёзовые комли, моё возмущение по поводу «использования рабского женского труда» как-то само собой затихло.

Поэтому я очень удивилась, когда увидела во дворе пекарни какого-то неопрятного мужика, который от колодца таскал воду в пекарню. Ростом он был высок и широк в плечах, как сама Зинаида. Бородатое лицо было скрыто высоким воротом старого самовязаного коричневого свитера, волосы на голове взлохмачены, словно он только что слез с сеновала. Одет он был в старую потрёпанную фуфайку и стоптанные кирзовые сапоги. Услышав звук подъез-

жающего уазика, он замер на несколько мгновений, словно встревоженный зверь, слышавший лай охотничьих собак. А потом, оставив пустые вёдра возле колодца, быстро направился к складу и скрылся за скрипучими дверями, добротного сбитыми из струганых сосновых досок. Слишком стремительно и бесшумно, будто мелькнувшая бестелесная тень. Я бы даже сказала, совсем «слишком», для обычного забулдыги, каким он показался мне на первый взгляд.

Сказать, что это мне показалось странным — значит ничего не сказать. К тому же раньше я этого типа в деревне не видела. И это слегка настораживало. Надо бы спросить у тётки Зины, что за помощничек у неё тут объявился.

Я остановила уазик почти у самых дверей и, нарочно громко хлопнув дверью, вошла внутрь. Меня сразу же окутало облако жаркого хмельного пара, от одного запаха которого можно было захлебнуться слюной. Я сглотнула, вспомнив нехстати, что позавтракать сегодня не успела. Тётя Зина, раздумываясь у печи, больше похожая на кузнеца, чем на пекаря, вытаскивала уже второй огромный противень с румяными пышными буханками хлеба. Не обращая на меня внимания, поставила его на стол, покрытый алюминиевым листом, быстро сбрызнула готовый хлеб водой из старого ковшика и накрыла чистым льняным полотенцем. Только тогда она, утерев разгорячённое лицо краем фартука, обернулась ко мне.

— Здорово, Матвеевна! — зычно гаркнула она, точно и впрямь служила в гренадёрском полку.

После такого приветствия меня так и потянуло вытянуться в струнку и рявкнуть ей в ответ: «Здравия желаю, ваше скаб-ро-ди-е!» Но я просто, пряча улыбку, поздоровалась, как обычно:

— Здорово, тёть Зина!

Она, поставив руки на поясницу, чуть перегнулась назад, пытаясь расправить согнутую спину. Услышав тихое «крак», с облегчением выдохнула и спросила:

— За хлебом?

Я молча кивнула и достала пару пустых мешков, которые по неведомой мне самой причине прятала за спиной. Женщина опять кивнула и указала мне на длинную широкую лавку, стоявшую у стены:

— Тот бери. Он самый первый, остыл уже маленько. — И спросила без особого любопытства, будто просто для того, чтобы поддержать разговор: — В этот раз на дальнюю делянку поедут, что за согрой?

Я опять кивнула головой, а она продолжила:

— Значит, бери с запасом. Раньше конца следующей недели не вернутся.

И в этом я с ней была полностью согласна.

Аккуратно укладывая тёплые буханки в мешок, я спросила, тоже стараясь делать это без особого любопытства:

— Тётъ Зин, а что это у тебя за помощничек такой объявился? Вроде не из наших... — И я глянула на женщину из-под руки, стараясь уловить выражение её лица.

В свете двух керосиновых ламп, висевших под самым потолком, сделать это было весьма затруднительно, но я очень старалась и возникшую гримасу недовольства успела заметить. Голос Зинаиды стал каким-то отстранённым, если не сказать грубым, когда она коротко ответила:

— Да вот... Прибился убогий. А мне чего? Мне не жалко. Опять же, за пекарней есть кому присмотреть по ночам. А тебе что?

Я, распрямившись, пожала плечами:

— Да так, ничего... Просто спросила. Увидела незнакомого человека и спросила. Мы же здесь живём, сама знаешь: ни милиции, никого. В случае чего и заступиться будет некому.

Зинаида упёрла руки в боки и хохотнула своим богатырским голосом, забыв о собственной недавней жёсткости:

— Это за тебя-то да заступиться? — Потом покачала головой и закончила уже с улыбкой: — Да пусть Бог поможет тому, кто попробует тебя обидеть. Не сама из ружья подстрелишь, так мужики наши в клочья порвут. Ты же знаешь... Да и защитник у тебя имеется — Аргус. Тот вообще насмерть загрызёт любого, кто обидеть попытается. Так что ты это напрасно. А Ефимка — он безобидный. Так что не боись... — И она мне вдруг лихо подмигнула карим глазом.

Потом, будто опомнившись, метнулась к печи.

Я ещё немного потопталась на месте, пытаюсь придумать, что бы такого ещё у неё спросить. Не придумала. Пришлый мужик меня почему-то тревожил. Причину такого внимания с моей стороны к неизвестному сама себе объяснить не могла. Тётка Зина чувствовала, что я всё ещё стою на пороге, но демонстративно не обращала на меня внимания. Хотя по тому, как была напряжена её спина, мне было совершенно очевидно, что мой интерес к этому человеку был ей, мягко говоря, неприятен. Почему? Это тоже давало повод задуматься.

Стоять так и дальше я сочла глупым. Даже если я придумаю, что спросить, мне вряд ли скажут правду. Так что смысла в моём топтании у порога не было никакого. Я подхватила по мешку в каждую руку, бочком протиснулась в двери.

Небо на востоке неохотно серело, и сумрак, словно старая ветошь, уже начал расплзаться, скользя к близкой кромке мокрого леса.

На крыльце пекарни я остановилась. Так... Кажется, появился повод разглядеть этого странного гражданина поближе. Покрутила головой по сторонам. Мужика нигде не было видно. Пустые вёдра по-прежнему стояли у колодца. Наверное, он ещё не вышел со склада, наверное, тоже дожидаясь моего отъезда.

Не раздумывая, я крикнула:

— Эй, Ефим!!! Помоги, пожалуйста, мешки с хлебом в машину закинуть!

Мне никто не отозвался. Только где-то за соседним забором глухо залаяла собака. Почудилось или нет, что дверь на склад немного скрипнула, приоткрывая небольшую щель? Мне даже показалось, что в щели я разглядела блеск чьих-то глаз, пристально наблюдающих за мной. Но это, скорее всего, уже включилась моя, было задремавшая, фантазия. Ничего такого с крыльца увидеть было просто невозможно.

Я вдруг разозлилась. Да что ж это такое сегодня делается?! Люди добрые, соседи честные! Все мне упорно врут! Даже те, которым и врать-то мне, казалось бы, и незачем!

И, оставив мешки с хлебом стоять на крыльце, я решительно направилась в сторону склада.

Подойдя к самым дверям, я вдруг резко притормозила. Что-то, напоминающее страх, прокатилось по мне слабой волной, вызывая холодок в затылке, словно от порыва холодного ветра. Как будто кто-то со стороны очень настойчиво зашептал мне в ухо: «Не открывай... Нельзя...»

Подчиняясь этому непонятно откуда взявшемуся шепотку, я сделала небольшой шаг назад. И словно во сне увидела, как моя рука, преодолевая какое-то липкое сопротивление, протянулась к створке складской двери и уже тянет её на себя. Было ощущение, что двери склада были сколочены не из обычных досок, а вылиты из бронзы — такими тяжёлыми они мне показались.

Я задержала дыхание перед открывшимся чёрным провалом, будто собираясь шагнуть в ледяную воду.

И тут за моей спиной раздался резкий, словно звук выстрела, голос тётки Зины:

— Потеряла чего?

Я от неожиданности чуть не подпрыгнула на месте. Резко оглянулась. Женщина, грозная, словно валькирия на поле боя, с нахмуренными бровями, подбоченясь, стояла на крыльце, прожигая меня глазами.

Я выдохнула и, немного заикаясь, проблеяла:

— Так это... хотела твоего помощника попросить помочь мне хлеб в машину загрузить. Ещё раз беспомощно оглянувшись на проём двери, медленно пошла обратно к крыльцу пекарни.

Женщина с лёгкой ядовитой насмешкой наблюдала за моим «исходом». Я виновато посмотрела на неё, словно меня застигли за чем-то постыдным, и указала на мешки с хлебом, стоявшие у ног грозной «Немезиды».

Она проговорила, даже не пытаясь скрывать угрозу в голосе:

— Да ты, вроде бы, и сама не из слабых. Два мешка из пекарни вынесла играючи и даже не вспотела. А тут тебе помощник понадобился?

Мне уже удалось немного прийти в себя, и ответ прозвучал без дрожи в голосе:

— А что... Когда есть помощник, грех не воспользоваться. Ты вон и сама до сих пор справлялась, а помощника всё же взяла... — не без язвительности закончила я фразу.

Зинаида уже поняла, что слегка переборщила со своей «грозностью». Почти нормальным голосом, только с лёгкой насмешкой, ответила:

— Ну раз тебе помощь нужна, так и я смогу помочь...

Играючи, будто они ничего не весили, схватила оба мешка и кивнула мне на закрытую дверцу машины. Я торопливо засеменила вперёд и распахнула узик, подчиняясь её немому требованию.

Закинув оба мешка, она картинно отряхнула руки, хлопнула дверцей и уставилась на меня выжидательно. В её взгляде явно читалось: «Уматывай быстрее».

Покидать молча и покорно «поле боя» я сочла для себя невозможным. Посмотрела на неё взглядом Золушки, которая ждёт указаний от своей мачехи, и жалобно промяукала:

— Так а чего такого-то? Я его зову, а он не отзывается. Мог бы и помочь, ничего бы с ним, поди, не случилось...

В последнюю фразу я вплела дозированную порцию обиды, прикидываясь дурочкой. Это не сработало. Точнее, сработало, но плохо — не так, как я ожидала.

Зинаида усмехнулась и пропела с лёгкой издёвкой:

— Так он глухонемой... Вот потому и не отозвался. Говорю же, убогий...

Мне ничего другого не оставалось, как сесть в машину и уехать. Я видела в зеркало заднего вида, что женщина всё ещё стоит на крыльце, провожая меня колючим взглядом.

Глава 3

Руки на «баранке» почему-то подрагивали, словно мне только что удалось избежать какой-то опасности.

Как только пекарня скрылась из вида, я проехала ещё немного и остановилась, приткнув машину на обочине дороги.

Да что же это такое, чёрт побери!! Они что, все?! Договорились известить меня своими загадками?! И, главное, всё в один день! Будто я нечаянно зацепилась штаниной за какой-то ящик Пандоры, который грохнулся — а оттуда вывалились все эти «чудеса»!

Решительно заглушив двигатель, я вышла из машины, стараясь не хлопнуть дверцей. Поворовски огляделась. В ближайших домах свет не горел. Сумерки ещё стелились по деревне, не торопясь пропускать рассвет.

Отлично! Если я сейчас незаметненько вернусь к пекарне, то никто меня даже не заметит.

Моё спавшее здравомыслие вдруг пробудилось и кудахтнуло в самое ухо: «А на кой тебе это надо?»

Я мотнула головой, точно отмахиваясь от этого вопроса. Пробурчала себе под нос:

— Надо, не надо... А чего они все...?

И, немного пригибаясь за покосившимися заборами, точно индеец в разведке, короткими перебежками рванула обратно к пекарне.

На голос собственного здравомыслия, который уже не кудахтал, а хрипло пищал: «Зачем?!», я не обращала внимания. Какой-то странный азарт уже бурлил в моей крови. Не иначе, проснулись гены дедули, который на войне был разведчиком.

К пекарне я подошла с «тыла», то есть со стороны леса, откуда меня точно никто бы не смог заметить. Долго мне в лазутчиках ходить было нельзя: мужики ждали хлеба. Но я рассчитывала на то, что они с выездом чуть припозднятся. Пока Серёга приволочёт Зойкину машину... В общем, немного времени у меня в запасе было.

Самым длинным оказался последний бросок от леса до заднего фасада склада. Я присела под стеной, стараясь сдерживать дыхание, чтобы меня, не дай бог, не засекала грозная Зинаида. Я даже и представить себе не могла, что бы я стала говорить, засекали она меня здесь.

Стена была сплошная, сложенная из старых прочных, почерневших от времени и дождей толстенных брёвен. И только высоко, чуть ли не под самой крышей, темнело маленькое зарешеченное оконце, в которое могла бы пролезть разве что кошка, да и то не особо толстая. Промелькнула дурацкая мысль, что мой Агроном вряд ли бы туда сумел протиснуться. Собственно, меня это волновало мало. Внутрь склада я лезть всё равно не планировала.

Чуть отдышавшись, я уже собралась тихонько обогнуть здание, чтобы посмотреть, что там происходит во дворе, как услышала тихое гудение голоса. Внутри склада кто-то был! Я замерла, пытаюсь слиться с окружающим ландшафтом, и, кажется, даже перестала дышать.

Голос я узнала сразу. Это была, конечно, Зинаида. Она с кем-то разговаривала. Я навестила уши, но без толку: слов разобрать никак не получалось. Но, по логике вещей, кроме её «убогого», там больше и некому было находиться.

Так, так... Значит, «глухонемой», говоришь? А судя по негромкому, почти шепчущему голосу тётки Зины, слух у него был лучше моего. Впрочем, я запретила себе делать поспешные выводы.

За то время, пока я изображала из себя вождя гурунов, пробираясь «тайными тропами» сюда, в пекарню, мог прийти и кто-то ещё. Хотя, с другой стороны, если человек пришёл бы в пекарню, чего бы тогда ему на складе делать? Собственная логика мне казалась вполне убедительной.

Адреналин просто зашкаливал в моей крови, толкая не останавливаться на достигнутом. И я решила посмотреть, с кем же там всё-таки беседовала Зинка.

Стараясь не шуршать и не издавать других звуков, которые могли бы привлечь внимание к моему присутствию, я стала пробираться к углу склада. Там я плюхнулась на пузо (разведчик так разведчик! По полной программе, безо всякой там халтуры) и, прикрываясь кустами подсохшей полыни, которой здесь были целые заросли, проползла несколько метров вперёд, за угол, так, чтобы мне хорошо были видны входные двери.

При этом я очень надеялась, что те, кто находятся на складе, не собираются там оставаться надолго. В конце концов, хлеб у Зинаиды в печи мог подгореть, пока она тут с кем-то шушукается!

Определила я правильно. Тётка Зина вскоре появилась в дверях и проговорила тихо кому-то, пока мне не видимому:

— Я тебя предупредила...

И быстро прошла в пекарню.

Скрипнула дверь, и наступила тишина, в которой были слышны только удары моего сердца (по крайней мере, мне так показалось). Вмиг у меня в голове зашебурились, завозились кучи вопросов.

«Предупредила» кого? «Предупредила» о чём?

Про «кого» долго думать мне не пришлось. Из склада вышел давешний мужик и деловито запер дверь на замок. Потом настороженно огляделся по сторонам, на мгновение задержав взгляд на том самом месте, где притаившейся мышью лежала я.

Мне даже показалось, что он меня если и не увидел, то каким-то образом учуял. Стало почему-то страшно, и на мгновение мне захотелось крепко зажмуриться. Я сжала ладони в кулаки, изо всех сил борясь со своим страхом.

Он постоял ещё несколько мгновений неподвижно, а потом, резко развернувшись, скрылся за углом пекарни. Его быстрые и в то же самое время какие-то пластичные движения вызывали у меня недоумение и кучу вопросов. Чтобы такому громиле так двигаться, наверняка нужен надлежащий опыт. О том, опыт чего нужен, раздумывать мне уже было некогда.

Вздых облегчения вырвался из моей груди. А если бы он пошёл не туда, а сюда? Обязательно бы тогда отдал мне какую-нибудь очень нужную часть тела!

Полежав так ещё немного, я стала отползать назад. А потом поднялась и со всех ног кинулась обратно к машине.

По дороге я награждала себя не очень «лестными» эпитетами, самым безобидным из которых был «курица безмозглая». Что на меня вообще нашло?! Чего я вздумала играть в разведчика, чёрт возьми!

Подумаешь, мужик какой-то приبلудный у Зинаиды появился в помощниках. Мне-то что за дело?! Это вообще не моя забота! У меня своих — выше крыши!

Ну вот что я хотела там сейчас увидеть?! Вот что?! Что он не глухонемой, а Зинаида мне нагло врёт? Ну увидела — и дальше что? Да ничего! Никакого преступления в этом не было. А я, кстати, и не работник правоохранительных органов, чтобы следить за подозрительными личностями в деревне!

На это участковый есть, вот пусть у него голова и болит! Правда, участковый у нас был, так сказать, почти номинальный. Один на четыре деревни. Народ в нашей деревне был спокойный и мало пьющий, что для здешних мест было почти чудом. Вот он и появлялся у нас два раза в год: один раз, когда открывался сезон охоты на уток, а второй — когда приезжал на рыбалку.

В общем, костеря себя всякими нехорошими словами, я добралась до машины. Кое-как отряхнула с одежды налипшую грязь со всяким растительным мусором и поехала в лесничество. Мужики меня ждали с хлебом.

В гараже уже все находились на «низком старте», если можно так сказать. Серёга на тракторе подъехал почти одновременно со мной. Спрыгнул с гусеницы и лихо отрапортовал:

— Матвеевна! По вашему приказанию, колымагу Зойки к воротам доставили!
Я только головой покачала и пробормотала с усмешкой:

— Шут гороховый... — и добавила уже без улыбки: — Спасибо, Серёжа...
Тот расплылся в улыбке и пропел:

— Да не за что... Обращайтесь.

Мужики уже загружали свои баулы, пилы и прочий инвентарь в уазик. Я достала планшет, извлекла оттуда карту и, ткнув пальцем в поставленный крестик на ней, обращаясь к Сергею, деловито проговорила:

— Загрузите две бочки соляры и дуй вот на эту точку. Не вздумай ехать по дороге — раздолбишь в ноль своими гусеницами. Езжай по просекам, понял?

Серёга внимательно посмотрел на карту и мотнул головой, шутовски приложив руку к козырьку своей кепки. Легко запрыгнул в трактор и дал газу. Из кабины на меня смотрел Венька почти умоляющим взглядом. Я молча кивнула ему, давая понять, что помню его просьбу заехать к бабке Прасковье.

До деляны мы добрались только ближе к обеду. Два балка, небольших домика для временного проживания, были подготовлены заранее к их приезду. Один служил чем-то наподобие склада, а другой — для жилья. Выгрузив всё из машины, они принялись перетаскивать вещи внутрь домушек.

Я подозвала старшего из них и обратилась по имени-отчеству:

— Степан Егорович, давай по вешкам пройдемся, чтобы, не дай Бог, не залезли за границы деляны.

Он посмотрел на меня быстрым, рысьим взглядом чуть прищуренных серых глаз и прогудел:

— Без надобности... Я эту деляну как свой дом знаю. — И добавил тепло, с лёгкой насмешкой, как-то чуть по-отечески: — Да не волнуйся ты, Василиса Матвеевна... Всё будет в лучшем виде. Не впервой, чай...

Замявшись на несколько секунд, он посмотрел на небо и добавил:

— Ты езжай, не ровен час, дождь начнётся, а наши дороги, сама знаешь...

Слова, вроде бы, он сказал совсем обычные. Так, ничего особенного, а на сердце у меня почему-то потеплело. Вспомнились слова бабули, которая поучала нас с сестрицей: «Сердцем смотри на человека, не глазами. Глаза и обмануть могут...» Глазами на моих мужиков смотреть — и вправду напугаешься, а сердцем — совсем другая картина получалась.

До лесничества я добралась, когда солнце, красное, точно раскалённая в небесном горне монета, нехотя опускалось за горизонт, в полоски тёмно-синих облаков, обещая на завтра ветреный день. Машину решила оставить в гараже. Не знаю, почему. Может, прогуляться хотелось, чтобы подумать, а может, интуиция так подсказала.

Подумать-то мне было о чём. Когда происходит какая-то непонятная вещь — вроде бы и ничего страшного, бывает. А вот когда таких вещей набирается уже несколько — это уже явная подсказка судьбы, а может, и чья ещё. Правда, подсказка чего и чья в этот раз, я понять пока так и не могла. И это меня как-то напрягало, наращивая в душе тревожное состояние.

Прогуливаться по деревне в темноте, когда кругом непролазная грязюка, — то ещё удовольствие. Но для меня это был хороший способ остаться наедине со своими мыслями. А когда я думала, я должна была двигаться.

Сразу скажу, ничего стоящего мне в голову так и не пришло — только одна суета да беспокойство. А ещё где-то под солнечным сплетением появилась сосущая тоска. Понять причину этой тоски мне никак не удавалось. И это жутко злило.

К дому я подошла почти маршевым шагом. Возле забора стояла Зойкина «Нива», вся заляпанная грязью от колёс до крыши. Серёга своё слово сдержал: машина была в целости и сохранности — даже передний бампер не оторвали, когда тянули из грязи. Зойка должна быть довольна.

Аргус встретил меня радостным повизгиванием. Я несколько рассеянно погладила его лохматую башку. Пёс недовольно ткнул в меня лобастой головой и заскулил ещё жалобнее.

Я тяжело вздохнула. Присела перед собакой на корточки и тихо проговорила:

— Ну хоть ты-то меня не доставай, а? Видишь, что кругом творится...

В отличие от меня, Аргус видел. Вздохнул тяжело, совсем по-человечьи, и поплёлся к себе в будку. На цепь я его никогда не сажала. Мне такое и в голову не приходило. Аргус никогда по пустякам не лаял, на людей не бросался. Он чувствовал людей сердцем. Вот бы у кого поучиться!

Я тихо поднялась на крыльцо и вошла в дом. На столе горела керосиновая лампа, вкусно пахло каким-то варевом. Позвала тихонько:

— Зойка... Я пришла.

«Ответом ей была тишина», как пишут в романах. Я позвала чуть громче:

— Зойка, ты где?

И опять без результата. Я быстро посмотрела на вешалку. Зойкино пальто было на месте, как и сапоги, всё ещё не отмытые от грязи. Значит, сестрица была где-то здесь. Может, ждала меня, да и заснула, а я тут ору, как оглашенная?

На цыпочках я прошла к её комнате и осторожно приоткрыла дверь. В спальне никого не было. Сумка на полу, кровать заправлена. Куда же это её черти унесли в такое-то время?!

Не скажу, что я уж очень сильно начала волноваться, но какое-то неприятное чувство холодным комочком свернулось под ложечкой. Вытащив из кармана фонарик, я рванула обратно на улицу.

Голосить на всю округу не стала. Начала осмотр территории, двигаясь по кругу: сначала сараюшка, потом дровяник, амбар, который использовался как склад, баня. Никого.

Вот что за гадство такое! Ну не черти же её унесли, в самом-то деле! Меня от волнения начало подтряхивать. Я бегом вернулась к крыльцу. Ну и где эту дурынду мне искать?

Незаметно для себя я задала этот вопрос вслух. Аргус вылез из будки и теперь смотрел на меня с немим вопросом в добрых собачьих глазах.

Я обратилась к псу:

— Аргус, где Зойка? Ищи, Аргус...!

Собака тяжело вздохнула, словно собиралась сказать: мол, что вы суетливые-то такие? Никакого от вас покоя нету! Медленно, с достоинством, положенным такой величественной собаке, он подошёл к дверям, ведущим в каменную подклеть, и осторожно поскрёб её лапой.

Должна сказать, что подклеть, идущая под всем домом, была довольно большой. Не поймёшь — то ли подпол, то ли склад, а то ли каземат какой. Бабуля рассказывала, что раньше здесь хранили лён, зерно, дёготь и прочие вещи, очень полезные в хозяйстве. Но мы этого «раньше» с Зойкой уже не застали.

От тех времён в подклети остался только чуть горьковатый запах дёгтя да ряды громадных ларей и разных сундуков, в которых по сей день лежал всякий хлам. Когда я, так сказать, вступила во владения домом и занялась его починкой и реставрацией, руки у меня до этого помещения так и не дошли.

Я озадаченно посмотрела на дверь. Замок был открыт. Значит, Зойка там, внизу? Интересно, а что она там забыла, да ещё в такое-то время?

Следуя непонятному порыву, я осторожно приоткрыла дверь и стала тихонько, почти на цыпочках, спускаться вниз. И сразу услышала какое-то невнятное бормотание. Конкретных слов я разобрать не смогла, но было понятно, что Зойка ругается. Правда, на кого — было пока неясно.

Спустившись вниз, я выглянула из-за угла. Из двух небольших зарешёченных окошек, расположенных под самым потолком, с улицы внутрь едва просачивался вечерний свет. Огонёк керосиновой лампы освещал небольшой пятючок пространства, в котором был виден один из старых сундуков.

Крышка была откинута. На краю сундука сидела Зойка и вытаскивала оттуда какие-то не то бумаги, не то амбарные книги или ещё какую макулатуру.

Несколько мгновений я смотрела на эту картину, чуть ли не открыв рот. А потом громко позвала:

— Зойка! Какого беса ты тут делаешь?!

Зойка испуганно дёрнулась, схватившись за сердце, и чуть не грохнулась внутрь сундука. Выбравшись, сердито сверкнула на меня глазами и ответила не менее громко и эмоционально:

— А чего так орать?! Так и до инфаркта недалеко!

Потом выражение её лица вдруг стало виновато-испуганным, будто я застигла её за каким-то неблагоприятным делом.

Она вскочила на ноги, быстро захлопнула крышку сундука и, сграбастав керосиновую лампу, поспешила мне навстречу, без умолку тараторя дурацкие вопросы:

— А ты уже с работы пришла? А я тебя так рано не ждала... А почему звука машины не было слышно? Ты что, пешком пришла?

Я смотрела на неё с нескрываемым недоумением, не веря ни своим ушам, ни своим глазам. Поведение сестры было, мягко говоря, странным.

Воспользовавшись моей некоторой заторможенностью и растерянностью, она подцепила меня под руку и поволокла вверх по лестнице, без умолку треща, словно заведённый механизм:

— А я гуляшник приготовила... А ещё кисель сварила. Ты, наверное, голодная? Утром убежала ведь, даже не позавтракала. Не думаешь ты о своём здоровье, Васька! Посмотри на себя! Одни кожа да кости остались, да глазищи на пол-лица. Ну ничего, пока я здесь, я тебя откормлю...

Так мы и вышли на улицу, поднялись на крыльцо и вошли в дом. И тут я наконец пришла в себя.

Высвободив свой локоть из её цепкого захвата, я села на лавку и тихо спросила:

— Зойка, что происходит?

Сестрица метнула на меня испуганный взгляд. Пустые тарелки в её руках тихонько забрякали. Ну, это уж совсем никуда не годилось. Интересно, что же (или кто же) могло напугать её до состояния трясущихся рук? Она сама это заметила и нервно брякнула тарелки на стол, спрятав руки в карманы. Попробовала притвориться дурочкой.

— Что ты имеешь в виду? — голос был донельзя фальшивым.

Её взгляд забегал по комнате, стараясь не встретиться с моим. Пришлось немного добавить эмоций. Вкрадчивым шёпотом я, чуть подавшись вперёд, проговорила:

— Ты дурака-то валять завязывай. Не на допросе у прокурора, чай...

Зойка фыркнула и проговорила почти своим обычным нравоучительным голосом:

— Твоё общение с местным народом пагубно влияет на твой слог. Была бы жива бабуля, она бы тебе живо речь исправила... — и, будто опомнившись, жалко улыбнулась, давая понять, что это была с её стороны почти шутка.

Я шутливого тона не поддержала, продолжая сурово смотреть на сестру. Тактика «дурочки» не прошла, и Зойка быстро переключилась на образ под названием «старшая сестра».

— А чего это ты мне допрос учиняешь? Это наш с тобой общий дом, и я хожу где хочу! — в её голосе послышались визгливые нотки отчаяния.

Я только вздохнула да покачала головой. Она прекрасно понимала, что я имею в виду, так же, как я знала, что она это понимает. Мысль была слегка запутанной, но точно отображала содержание момента. Я проговорила как можно спокойнее:

— Вот что, сестрица... Я никогда не совала нос в твои дела, как и ты в мои. Если не хочешь говорить — можешь не говорить, но... Имей в виду... Судя по тому, что я вижу, ты куда-то вляпалась. И история эта, похоже, совсем паршивая, коли ты мне врешь. Но ты должна понять: какой бы паршивой она ни была, я тебя одну никогда не оставлю. Просто, если буду плутать в темноте собственных догадок, могу навредить, а мне этого очень не хочется. Так что давай... Садись и всё как есть рассказывай.

Зойка ещё немного постояла, набычившись, а потом как-то вся съёжилась, скукожилась, а потом плюхнулась на лавку и стала жалко всхлипывать. Я подошла к сестре, села рядом и притянула её к себе, осторожно поглаживая по плечам и глупо повторяя:

— Ну, чего ты? Всё будет хорошо... Мы вместе. И мы всех победим. Только ты больше так не делай, ладно?

Она сначала топорщилась, пытаясь вывернуться из моих объятий, а потом как-то затихла. Только плечи её мелко вздрагивали. Часы тихо тикали, в печи едва слышно потрескивали дрова. Из-за печки вылез Агроном, осуждающим взглядом янтарных глаз глянул на меня и стал с громким мурчанием тереться о Зойкины ноги.

Так мы просидели ещё несколько минут. Наконец сестра немного успокоилась. Отстранившись от меня, стала рукавом вытирать заплаканное лицо. Я поднялась, прошла к буфету и достала графинчик рябиновой настойки. Поставила пару стопочек на стол и проворчала:

— Чувствую, без ста граммов нам не разобраться.

Сестрица с лёгким испугом посмотрела на меня и гнусаво спросила:

— И часто ты так проблемы решаешь, со ста граммами?

Я хохотнула:

— Не бойся, алкоголизм — не мой конёк. А это больше для здоровья и успокоения нервной системы. В капле — здоровье, в ложке — яд. Это ещё Гиппократ сказал, а он в этом толк понимал... — я разлила настойку по стопочкам, которые были чуть больше напёрстков, и про-

возгласила: — Ну... За сенокос! А заодно и за нервные клетки, которые плохо восстанавливаются! — и одним глотком выпила терпковато-горький напиток, пахнущий солнцем.

Зойка покосилась на меня, а потом решительно взяла свою стопочку и так же одним махом опрокинула её в рот. Сморщилась, занюхивая своим рукавом, и чуть осипшим голосом проговорила:

— А чего за сенокос-то? Он уже давно прошёл, если я что-нибудь понимаю в деревенской жизни.

Я охотно согласилась:

— Прошёл. За то и выпили. — И серьёзно добавила: — А теперь рассказывай. Только как ты умеешь: без предисловий, ненужных сюсюканий и глупых рефлексий.

Зойка, перестав морщиться, посверлила меня немного пронизательным взглядом покрасневших от слёз глаз, будто решая, стоит мне доверить её тайну сейчас или маленько подождать. Я встретила её взгляд сурово и серьёзно, давая понять, что готова буквально ко всему. Она тяжело вздохнула и спросила:

— Тебе самую суть или подробно?

Я начала сердиться. Какого беса она тянет?! Проговорила отрывисто:

— Давай для начала суть. А там видно будет.

Сестрица сложила руки замком у себя на коленях и уставилась на них, точно именно там был ответ. Потом вдруг отчаянно выпалила, словно нырнула в омут с головой:

— Они забрали Славку и сказали: пока я не найду то, что им нужно, его не отпустят!

Честно говоря, я немного даже растерялась. Секунд десять смотрела на сестру, как будто видела её впервые. Мелькнула даже мысль, а не зря ли я ей настойки-то плеснула? Посмотрела на маленькую стопочку, потом на Зойку и с тяжёлым вздохом проговорила:

— Так... Давай теперь подробно...

Глава 4

Зойка как-то затравленно посмотрела на меня, и я почему-то почувствовала себя свинья-свиньёй. Даже без особых знаний физиогномики было видно, что в сестре сейчас шла настоящая борьба. Борьба страха с необходимостью сделать шаг. Мне вдруг стало её так жалко, что даже мелькнула мысль: да Бог с ними, с этими её тайнами! Если ей так легче... Но я тут же призвала себя к порядку. Если мы сейчас не вытянем весь этот «нарыв» наружу, дальше он может перейти в серьёзную «гангрену», и «ампутировать» придётся уже всё целиком, вместе с головой.

Она молчала. Молчала и я, давая ей возможность собраться с мыслями. Зойка вдруг схватила графинчик с настойкой и дрожащей рукой налила себе немного в стопочку, чуть расплескав янтарную жидкость по столу. Посмотрела на расплывающиеся по дереву капли рябиновки, словно именно настойка в данный момент была её злейшим врагом, и одним судорожным глотком выпила содержимое. Шумно выдохнула и начала говорить. Голос звучал чуть сипло, точно горло было простуженным.

— Это началось уже давно... — приступила она незатейливо, будто рассказывая страшную сказку. — Сначала мне начало казаться, что за мной следят. Ты знаешь, я работаю в серьёзной конторе главным экономистом. Конечно, никаких особых тайн компании я не знаю, но... могло стать и так, что я сама не знала, что я знаю.

На мой взгляд, последняя фраза прозвучала несколько замысловато, но перебивать я не стала. А сестрица продолжила:

— Я обратилась с намёком в службу нашей безопасности. Мол, нет ли у нас чего такого, что очень бы хотели знать наши конкуренты. Не буду говорить об их реакции. — Она досадливо поморщилась, вспоминая тот момент, тихонько фыркнула, покачав головой. — Они только что у виска мне не покрутили пальцем и посоветовали больше отдыхать. Славке рассказывать тоже ничего не стала. У него и так работа напряжённая, а тут я ещё со своей манией преследования! В общем, пару месяцев я вела себя как настоящий параноик. Пересаживалась из автобуса в автобус, выскакивая из транспорта в последний момент, меняла резко маршрут, шмыгая в проходные дворы, пока не поняла, что веду себя совершенно по-дурацки. Если кому надо, то им и так всё было понятно. Маршруты у меня проверены и отработаны: из дома на работу и обратно домой. Ну ещё когда по магазинам. А так... как бы я ни пыталась играть в разведчиков, мой маршрут был понятен даже последней бродячей собачонке. Но нервы-то я себе распатала прилично. И я решила: ну и хрен с вами! Хотите следить — следите! Только вот смысла во всём этом я никакого не видела. Потом, вроде бы, слежки я уже не замечала и постепенно стала успокаиваться. По ночам опять спала как убитая и не подпрыгивала от стука в дверь или телефонного звонка. — Она горько усмехнулась. — Представляешь, даже подумала, что наша охрана была права: устала я и всё такое...

Она замолчала, уставившись перед собой пустым взглядом. А у меня от этого её взгляда аж мурашки по всему телу побежали. Захотелось немедленно обнять сестру, крепко прижать и шептать ей какую-нибудь успокаивающую ерунду. Вспомнилось вдруг, как в нашем далёком детстве, сидя на сеновале во время грозы, я вздрагивала от раскатов грома, а Зойка обнимала меня и пела шёпотом на ухо старую бабушкину колыбельную. Я сцепила зубы, чтобы не реветься — такая на меня напала нежность. Но реветь сейчас было не время. И всё, на что я решилась, — это положить осторожно свою ладонь на её плечо.

Она вздрогнула от моего лёгкого прикосновения и улыбнулась. Правда, улыбка у неё вышла... В общем, лучше бы она сейчас расплакалась, чем так улыбаться.

Вздыхнув тяжело, она тихо продолжила:

— Они меня встретили, когда я вечером с сумками шла из продуктового магазина домой. Помнишь, там у нас есть небольшой скверик недалеко от дома? — Я кивнула. О том, кто такие эти самые «они», не спрашивала. Думаю, Зойка этого и сама толком не знала. Просто продолжила слушать. — Было ещё не очень поздно, и погода была не особо паршивая. И в это время в сквере полно людей: и мамаш с колясками, собачники там всякие. А тут — никого. Это было несколько странно, но я поначалу не обратила на это внимания. — Она грустно усмехнулась. — Знаешь, мы в этих «человейниках»-городах настолько поглощены каждый только собой, что как-то отвыкли замечать всё, что нас окружает. И я теперь понимаю твоё стремление убежать из города. — Сделала Зойка лёгкое философское отступление, опять вздохнула и продолжила неторопливо, будто говорила не про себя, а про кого-то другого: — Ко мне подошёл молодой человек. Никакой тебе «бандитской» рожи. Очень хорошо одетый, с прекрасными манерами. Вежливо спросил, как пройти на улицу Подбельского. Я, как дура, принялась ему объяснять, а он принялся мне выражать сочувствие. Мол, такая красивая женщина, с такими тяжёлыми сумками, одна. Мол, что же это меня муж не встречает. Ну и всё в таком духе. При этом он так улыбнулся... В общем, я сразу поняла: вот оно. Правда, что именно это самое «оно», я и понятия не имела. У меня внутри всё вдруг похолодело, и, знаешь, такие неприятные покалывания в кончиках пальцев, будто я стою на краю пропасти, в которую вот-вот свалюсь. А парень продолжал разливаться соловьём. Мол, давайте с вами сядем в кафе, попьем кофейку, отдохнем, поговорим о том да о сём, а потом он мне пообещал помочь донести сумки до дома. — Зойка покачала головой. — Ты знаешь, как я отношусь к уличным знакомствам. А тут я сразу поняла: отказаться мне не позволят. Это «приглашение» попить кофейку было, так сказать, «мягким вариантом». Если не соглашусь — следующее предложение будет хуже, намного хуже. Ещё его эта улыбочка... — Она передёрнула плечами и добавила тихо: — И взгляд... холодный и какой-то пустой, от которого все внутренности в узел завязывались от страха. — Зойка тряхнула головой, будто отгоняя наваждение. — В общем, я словно коза на верёвочке пошла послушно за ним. А что мне оставалось? Кричать «караул»? Так меня никто не грабил, да и не было рядом никого. — Махнув рукой, коротко хохотнула. — Сумки-то он, конечно, мои взял. И так, галантно, по-джентльменски подставил локоток. А мне было страшно касаться его руки.

Я видела, как сестре было трудно говорить, и проклинала себя за то, что заставила её снова вспоминать всё это. Но останавливаться на полдороги было уже поздно. Я словно бы почувствовала всё, о чём она говорила. Будто это я сама встретила этого незнакомца в сквере возле её дома. Внезапно захотелось выпить горячего чая. Я поднялась и поставила чайник на плиту, а потом стала неторопливо накрывать на стол. Простые, обыденные движения будто прогоняли нависший в комнате морок, вытесняя из сознания знобящий холод. А Зойка продолжила говорить уставшим и каким-то обречённым голосом:

— Как дошли до кафе, я припомнить потом не могла. И вообще, когда оказалась дома, мне показалось, что всего этого не было, а я просто задремала в автобусе, и мне всё это приснилось. Но вот слова, вкрадчивые, словно пробудившиеся весной змеюки, ещё долго звучали у меня в голове. — Она помотала головой и немного раздражённо проговорила: — Наваждение просто какое-то!

А я от нетерпения была уже готова грызть ногти — так мне хотелось поскорее услышать, что же он сказал ей, этот странный и непонятный парень. Зойка покосилась на меня и как-то вяло проговорила:

— Я там гуляш сварганила с картошкой. Ты же, наверное, голодная...

Я отмахнулась:

— Мне сейчас кусок в горло не ползет. А вот горячего чая нам выпить не помешает.

Зойка равнодушно кивнула и продолжила:

— Они хотят получить записи нашего прадеда Евсея. Оказывается, есть и такие. Сроду не знала, что наш прадед какие-то записи после себя оставил. Бабуля нам ничего такого не рассказывала. — Она опять усмехнулась. — Кстати, они обещали за них хорошо заплатить. Велели никому ничего не рассказывать, если не хочу проблем для своих близких. — Она подняла на меня вымученный взгляд и шёпотом прибавила: — А у меня близких... только ты да Славка. — Губы у неё вдруг дёрнулись, утратив свои красивые очертания, превратив лицо в жалкую маску. И совсем тихо, будто спазм сдавливал горло, закончила: — И я... я не переживу, если... — Она, не договорив, закрыла ладонями лицо.

Я испугалась, что она сейчас расплачется. Я замерла над ней с заварочным чайником в руках, не зная, что предпринять. Но Зойка плакать не стала. Посидела несколько секунд так, а потом отняла руки от лица и посмотрела на меня совершенно сухими глазами. Выражение лица у неё вдруг стало жёстким, каким-то отчуждённым, когда она заговорила рублеными фразами:

— В общем... я устроила Славке скандал. Такой, знаешь, с битьём посуды, чтобы побольше соседей услышало. Якобы, я приревновала его к секретарше. Заявила, что подаю на развод. Видела бы ты его лицо... — И вдруг сорвалась с жёсткого, отчуждённого тона на жалобный всхлип: — Васька... ну за что мне это, а?

Жалеть её сейчас было бы тактикой неправильной. Я знала Зойкин характер. Поэтому проговорила резко:

— Не тебе, а нам... Прадед он и мой тоже. Это — во-первых. А во-вторых, чтобы разработать стратегию или тактику, шут их поймёшь, нужно больше информации. Начнём с простого. Славке ты скандал устроила, пригрозив разводом... Дальше что?

Моя тактика сработала. Выражение глаз сестры изменилось, утратив свою жалобность. Она пожала плечами:

— А что дальше? Спали в разных комнатах. На следующий день я пошла и купила ему путёвку в Эссентуки на месяц. Ты же знаешь, у него с желудком проблемы, — добавила она как-то по-бытовому. — Потом пошла в ЗАГС, подала заявление на развод. Съездила на работу, взяла отпуск за свой счёт. Проводила негласно Славку на вокзал. А там увидела, как его два каких-то типа под ручки – и в поезда. А мне под «дворники» записочку подсунули напечатанную на машинке. Мол, дёргаться не советуем. — Она опять вздохнула и покосилась на графинчик. Но пить, вроде бы, передумала. Уставшим голосом продолжила: — Ну а я, вещички кое-какие в сумку побросала — и к тебе. Если какие-то записи от прадеда и остались, то они могут быть только здесь. — Она развела руками. — Ну вот... и вся история. — И спросила, заглядывая мне в глаза: — Что думаешь?

Вопрос был хорошим. Только вот ответ ни её, ни меня вряд ли бы порадовал. Ничего я не думала! Такая каша в голове была, что и думать я не знала что!

Зойка, внимательно наблюдавшая за мной, вдруг тихо спросила:

— Васька, как думаешь, Славка меня простит... Ну, потом, когда я всё ему объясню?

Чувствовалось, что этот вопрос был для неё сейчас самым главным и волновал больше всего остального. Я рассеянно кивнула.

— Конечно... Он же тебя любит...

Меня сейчас Славкино отношение к сестре почему-то не очень занимало. Нет, конечно, её счастье было очень важным, но... не для меня в данный момент. Первое, что выплыло на поверхность из всего хаоса, который прочно обосновался в моей голове, был вопрос, кто такие эти самые «они»? Я покосилась на Зойку. Вряд ли она бы мне сейчас ответила на него. Если бы знала, то сразу бы и сказала. Поэтому спрашивать я не стала. Чего зря воздух сотрясать глупыми вопросами?

Кажется, сестра сейчас пребывала в полнейшем унынии, оплакивая свою семейную жизнь. По крайней мере, мне так показалось. Но молчать не было никаких сил, поэтому я спросила:

— А что ты знаешь о нашем прадеде?

Согласна, вопрос был несколько абстрактным и расплывчатым. Свою мысль я с первой попытки правильно сформулировать увы не сумела. Соответственно, и ответ получила такой же. Зойка пожала плечами и проговорила почти равнодушно:

— Да то же, что и ты. Он был отцом нашей бабули.

Мы посмотрели друг на друга и вдруг, не удержавшись (нервы, наверное), я приснула от смеха. Сестрица кинула на меня удивлённый взгляд, а потом нерешительно улыбнулась. И мы начали смеяться. До слёз из глаз, до колик в животе, до дурацкой икоты. Агроном, до этого взиравший на нас внимательно со своего места у печи, вдруг зашипел, вздыбив шерсть, и, сгребая когтями лежавший на полу тканый цветастый половичок, сиганул на печь, после чего принялся орать оттуда дурным голосом. Мы даже не обратили на него внимания, захлёбываясь смехом.

Наша истерика («весельем» это язык не повернётся назвать) закончилась быстро. Я утёрла тыльной стороной ладони глаза и проговорила с лёгким заиканием:

— Ничего не скажешь... Благодарные потомки. — Взяла кружку, налила в неё уже остывшего чая и сделала несколько глотков. Это помогло мне прийти немного в норму. Выдохнув, опять спросила сестрицу: — Кем он был, наш прадед, ты знаешь? — И поспешно, чуть ли не испуганно, добавила: — Только не говори, что человеком.

Зойка фыркнула. Последовав моему примеру, налила себе остывшего чая, повертела кружку в руке, будто не решаясь глотнуть, и пожала плечами.

— Не знаю. Как-то никогда об этом не задумывалась... — Наконец, сделав глоток, отставила кружку в сторону.

Я посмотрела на сестру внимательно. То ли в её голосе, то ли с каким видом она это сказала, было что-то немного фальшивое. Равнодушие? А ведь на самом деле этот вопрос был почти самым ключевым. Зная, кем был наш прадед, можно было определить и то, о чём он вёл свои записи, которые вдруг позарез понадобились этим самым «они». Но вслух, разумеется, я свои сомнения высказывать не спешила, как и смотреть пронизательно на сестру. Это были мои, даже не догадки, а какие-то неясные тени неродившихся окончательно мыслей. Я вздохнула, покачав головой.

— То же самое... Бабуля наверняка знала. Только мы в своё время спросить не удосужились.

Зойка подхватила:

— ...А теперь и спрашивать не у кого.

То, как она это сказала... Как бы это объяснить попроще для самой себя? Когда человек с тревогой ожидает, поверили ли его вранью, в ответ слышит: «Доказательств вранья нет» и, в ответ, он с облегчением выдыхает, мол, на «нет» и суда нет. Согласна, путано. Но по-другому сейчас моя голова не работала. В общем, скребло меня что-то в поведении сестры, в её интонациях, будто немного наигранно-испуганных. Правда, пока я ещё точно не знала, что именно. Возможно, это была просто такая её реакция на всё случившееся, а я уже и с выводами попе-

рѣд лезу. Отложив все эти мысли в дальний уголок, решила, что поразмышляю над этим чуть позже, когда сама немного очухаюсь.

Зато, когда я услышала от Зойки, что, мол, и спросить-то теперь некого, у меня в голове родилось одно предположение. Возможно, был один человек, который мог бы мне рассказать о нашем прадеде кое-что, а возможно, даже и чуть больше. Прасковья! Но с Зойкой своими предположениями я делиться не спешила, даже не знаю почему. Во-первых, моё предположение могло быть и ошибочным, а во-вторых... Во-вторых, я просто не знала, почему! И это меня уже начинало злить. Я мысленно чертыхнулась. Нельзя сейчас было углубляться в подобные дебри. И тут мне вспомнилось приглашение Прасковьи, переданное через своего внука Веньку. Вспомнился мне и взгляд Веньки, когда он уезжал с Серёгой в деляну. Почти умоляющий. Значит, это было очень важно. И почему-то мне сейчас показалось, что Зойкины «приключения» и приглашение старой знахарки как-то могут быть связаны между собой. Признаю, при здравом размышлении все эти мои «выводы и доводы» были притянуты за уши. Но в тот момент ни о каких «здравых размышлениях» речи не шло.

Наверное, что-то такое эдакое отразилось на моём лице, потому что сестрица посмотрела на меня и спросила суровым голосом судьи, обращённым к подсудимому:

— Ты что, мне не веришь?

От неожиданности я захлопала на неё ресницами и уставилась в недоумении.

— С чего ты взяла?! — Возмущение моё было почти искренним.

Зойка потушила «стальной» взгляд и уставшим голосом произнесла:

— Да ладно... Чего уж там. Я бы и сама не поверила, если бы мне кто такое рассказал.

А я принялась оправдываться:

— Зочка... Я тебе верю, но пойми, слишком много всего непонятного. — Сестраглянула на меня тоскливо. Мои сюсюканья ей сейчас были не нужны. И я заговорила деловым тоном: — Хорошо, рисую картину: я прихожу к тебе и сообщаю, что ко мне пристал какой-то мужик и просит от меня записи моего прадеда, о которых я ни сном ни духом. При этом он мне угрожает, что, если... дальше понятно. Я устраиваю скандал с мужем, подаю на развод и бросаюсь сломя голову в деревню искать эти, возможно (подчёркиваю), возможно, не существующие записи. Заметь, не кидаюсь в милицию, не рассказываю всё мужу, а действую именно в таком порядке. По приезде не рассказываю сразу всё своей сестре, самому близкому мне человеку, а пробираюсь тайком в подклеть и начинаю там шариться по ящикам. Что бы ты подумала на моём месте? — И я уставилась испытывающим взглядом на сестру.

Зойка хмуро посмотрела на меня и, тяжело вздохнув, ответила:

— Наверное, тоже, что и ты. Тут только два варианта: либо ты мне врѣшь по непонятной причине (такое, стараться будешь — шиш придумаешь), либо ты мне чего-то недоговариваешь. Я радостно кивнула.

— Вот видишь... Какой из двух вариантов тебе нравится больше?

Зойка огрызнулась:

— Никакой не нравится! Я тебе всё рассказала. Как было, так и рассказала!

Зная Зойку так, как знала её я, становилось понятным: теперь она будет стоять на своём насмерть, как наши под Сталинградом, потому что «отступить некуда, позади Волга-матушка».

Загонять сестру в угол мне совсем не хотелось. И я решила отступить. Значит, ещё не пришло время для откровенного разговора. Устало выдохнула и проворчала:

— Ладно... На сегодня хорош. У меня уже голова не варит. Денёк ещё тот был. Давай ложиться, а завтра, со свежей, так сказать, головой, будем думать, что делать дальше.

И я стала подниматься с лавки, тяжело, будто древняя старушка, опираясь о стол. Зойка посмотрела на меня умоляюще и спросила чуть ли не жалобно:

— Васька... Как думаешь, где эти записи могут быть?

Я покачала головой. Эх, Зойка, Зойка... Ответила честно:

— Я не знаю. — Она поникла, а я продолжила: — Для того чтобы искать что-то, нужно знать, что именно ты ищешь. Для начала нам было бы неплохо понять, кем был наш прадед. А отсюда уже и выводы какие-то делать. Что он мог записать такого, что через добрую сотню лет кого-то могли так сильно заинтересовать эти записи, что этот кто-то предпринял ТАКИЕ шаги к их розыску? — Я перешагнула через лавку и уже на ходу, обернувшись, добавила: — А ещё я бы подумала над тем, почему этого неведомого «кого-то» этот вопрос заинтересовал именно сейчас. Где этот кто-то был эту сотню с добрым хвостиком лет? Откуда он вообще узнал о нашем прадеде? Вопросов, Зочка, воз и маленькая тележка. А начинать всё-таки надо с самого начала: кем был наш прадед. Всё, спокойной ночи. Я — спать. Утро вечера мудренее. — И отправилась в спальню, прекрасно понимая, что моё «спокойной ночи» звучит почти как открытая издёвка.

Я затылком чувствовала Зойкин напряжённый взгляд. В дверях спальни я остановилась и, обернувшись к сестре, уставшим голосом произнесла:

— И, кстати... Если эти записи и существуют, то они, скорее всего, спрятаны понадежнее, чем просто в старых сундуках нашего подвала. Это я к тому, что незачем тебе собирать пыль и паутину в подклети. — И, не дожидаясь ответа, вошла в спальню и осторожно прикрыла за собой дверь, словно она была не из прочных дубовых досок, а из хрупкого хрусталя.

Разумеется, сразу уснуть мне не удалось. Вся эта история напоминала мне плохо срежиссированный дурацкий спектакль. Если бы я так хорошо не знала Зойку, то могла бы подумать, что она всё это придумала по одной ей ведомой причине. Но у сестрицы с фантазией было так себе, и такие кульбиты не в её характере. Чего стоили только её чёткие и слаженные действия после встречи с этим неизвестным. Никакой тебе паники, никаких метаний, никаких истерик, а только точно выверенные действия и просчёт их последствий. Такое возможно, только если человек вообще не обладает никаким воображением, — чистый прагматик.

Я вздохнула, переворачиваясь на другой бок. Через незадёрнутые шторы на окне стал виден очистившийся от туч маленький кусочек тёмно-бархатного неба с мелкими, похожими на конопушки, звёздочками. Панцирная сетка подо мной скрипнула, словно сочувствуя моему маетному состоянию. Я закрыла глаза, пытаюсь заставить свой организм заснуть. Получилось плохо, но я упорно лежала с закрытыми глазами, не теряя надежды обмануть себя. Минут через двадцать стало очевидно, что «фокус не удался».

Зойкина история упорно лезла из всех щелей сознания, будоража нервы. Я улеглась на спину и, открыв глаза, уставилась в окно.

Так... Нужно выделить несколько главных вопросов, ответ на которые создаст определённый фундамент, от которого, как от печки, можно было «плясать». Как ни странно, таких вопросов оказалось всего два: первый — кем был наш прадед на самом деле, и второй — почему те, кто приходил к Зойке, не сделали этого раньше, скажем, ещё при жизни бабули? Почему именно сейчас?

На первый вопрос у меня ответа не было. По крайней мере, до тех пор, пока я не поговорю с Прасковьей. А вот второй вопрос...? В институте у меня по матанализу стояло «отлично». Вот и попробуем рассчитать «траектории вероятностей». Для этого нужно было рассмотреть ситуацию как некую математическую формулу. И так... Поехали. Вариантов было несколько. Предположим, что те, кто ищет дневники (или рукописи) прадеда, знали об их существовании, но не знали, кому они могли принадлежать. И всё это время (какое, блин?) они искали их источник или, точнее, хозяина. Нашли только сейчас. Следствие — запугивание Зойки. Второй вариант: только сейчас произошло некое событие, которое и активировало весь этот механизм. Вот они и забегали. Вопрос, кто такие эти самые «они», я пока перед собой не ставила. Если я отвечу на первых два, то это определится само собой.

Чертыхнувшись, я села на кровати и протёрла лицо ладонями. Всё это походило на бред воспалённого мозга. Я пытаюсь найти стройную математическую логику там, где она и не валялась! Хоть сейчас одевайся и беги к Прасковье. Кстати, с чего я вообще решила, что у старой знахарки я найду ответы на свои вопросы? Интуиция подсказала? Спала, спала всю дорогу, а сейчас взяла да и подсказала? Попробую проследить путь своей «интуиции». Что мы имеем? Вчерашний день. Внезапное появление Зойки, странное приглашение Прасковьи, потом этот «глухонемой» в пекарне. Вот я взяла и связала все эти события одной верёвочкой, а они могут быть совершенно между собой не связаны. Кто-то внутри меня хмыкнул. Угу, как же, «несвязанные»! Одно — это случайность, а три — это уже закономерность. Вот бы ещё понять, закономерность чего?!

Сил сидеть в запертой комнате у меня уже больше не было. Накинув тёплую бабулину шалёнку, я осторожно, чтобы не разбудить Зойку, стала пробираться к выходу. В темноте не наткнуться на что-нибудь было весьма непросто, но я справилась. У самого порога пушистым клубком вывалился Агроном и принялся с тихим урчанием тереться об меня. Натягивая на босые ноги ботинки, я шёпотом проворчала:

— Мышей бы лучше ловил...

Ворчала я просто так, для порядка. Хозяйка я или «с кем», в конце-то концов! Кот моим ворчанием не впечатлился, но, наверное, в отместку, из природной вредности, сопровождать меня на улицу категорически отказался. Впрочем, я и не настаивала особо. Хотелось побыть одной.

Дверь в сенях оказалась незапертой. Я опять принялась бурчать себе под нос:

— С такими хозяевами так скоро по миру пойдём...

Хотя сетовать на сестру за то, что она не заперла входную дверь после такого тяжёлого разговора, было не по-людски.

Выйдя на крыльцо, я чуть не споткнулась о сидящую на ступенях в старом полушубке Зойку. У её ног, положив лобастую башку на передние лапы, лежал Аргус. Пёс тяжело вздыхал, разделяя её настроение. При виде меня он слабо вильнул хвостом и глянул несчастными глазами, словно в чём-то меня упрекая. От неожиданности я тихонько охнула. Не поворачивая головы, Зойка печально спросила:

— Тоже не спится?

Тяжело вздохнув, плотнее запахнув шалёнку на груди, я уселась рядом с ней и, словно эхо, ответила:

— Не спится...

Зойка сидела какая-то отстранённая, холодная, будто незнакомка, прилетевшая с другой планеты. Я прямо чувствовала идущую от неё прохладную волну отчуждения. За всю нашу

жизнь я не могла припомнить подобного состояния наших отношений. У меня от волнения перехватило горло. Хотелось её прижать к себе и сказать, что, мол, не волнуйся, всё будет хорошо, но я сидела застывшим истуканом, словно прихваченная морозом, стараясь проглотить скрутившийся горький комок в горле. А сестра вдруг тихонько запела:

— *По тропинке снежком запорошенной,*

Были встречи у нас горячи...

С трудом подавив волнение, я подхватила:

— *Не ходи, не ходи ты за мною, хороший мой,*

И в окошко моё не стучи...

Зойка придвинулась чуть ближе, старательно выводя куплет, и я почувствовала, как возникающая между нами ледяная стена тает, оставляя влажные горьковато-солёные дорожки на моих щеках.

Закончив второй куплет, сестра посмотрела на меня странным взглядом и тихо спросила:

— Что делать будем, Васька?

Я посчитала вопрос риторическим, потому что ответа на него ни у меня, ни у неё на данный момент не было.

Глава 5

Спать я так больше и не легла. Чтобы как-то отвлечь себя от глупых и бесполезных метафизических на тему «а что, а как?», решила поставить тесто. Зойка взялась было мне помогать, но я почти сразу её выпроводила, заметив, что она начала клевать носом. К тому же я знала, что за работой мои мозги хорошо переключаются и очищаются, что сейчас мне было просто необходимо. И присутствие Зойки могло бы эту схемку поломать.

Всё в этой истории было непонятным и недосказанным. Но вываливать свои сомнения на сестру я не собиралась. Раз она не хочет говорить, то пока я не припру её к стенке фактами, Зойка не «расколется» окончательно. Только вот «припирать» мне её совершенно не хотелось. Я месила тесто и всё думала, думала. Мысли были какими-то туманными, нечёткими, почти вялыми. А может, это я была вялая? Считай, вторую ночь без нормального сна.

И тут ко мне из всей этой клейкой массы моих раздумий вдруг выскочила одна мысль. Кстати, весьма здравая. Почему эти непонятные «они» пришли именно к Зойке, а не, скажем, ко мне? Ведь если записи и есть, то они хранятся где-нибудь здесь, в этом доме, и логичнее было бы с их стороны...

Я даже перестала месить тесто. Замерла с выпачканными мукой руками, уставившись перед собой в одну точку. С «их» логичностью — это я, конечно, погорячилась. Не могу я знать, что у этих граждан в голове творится. Слишком мало у меня данных для этого. Больше вопросов, чем ответов.

Но тут же мне в голову пришла другая мысль: не хотелось мне рассказывать Зойке о том, что я собираюсь поехать к Прасковье. Не знаю почему. Но из-за этой мысли я сразу почувствовала какую-то неловкость перед сестрой. Получается, я ей не доверяю? Попыталась оправдаться перед собственной совестью. Ведь знахарка звала меня одну, так? Вот я одна и поеду.

На какое-то время моей совести этого объяснения хватило. Но я понимала, что это было ненадолго. Чтобы как-то отвлечься, с удвоенным усилием принялась месить тесто. Поставив тазик, прикрытый чистым полотенцем, на печку подходить, занялась начинкой. Достала из-за печи холщовый мешочек, туго набитый сушёными ягодами луговой клубники. Запарила ягоды в кастрюльке. По дому сразу разнёсся сладкий аромат ягод, пропитанный солнечным теплом и летом.

Не знаю, может быть, от этого запаха, а может быть, из-за того, что мой мозг уже перегружился и не мог больше вмещать в себя ни одной мысли, меня потянуло в сон. Я покосилась на печку. Тесту всё равно нужно дать несколько часов, чтобы подняться. Так что я вполне могла подремать пару часиков. Только, сначала нужно было пригнать уазик из гаража. Завтра (или уже сегодня) я планировала выехать пораньше. Кстати, сейчас прогулка на свежем воздухе была бы мне очень полезна. Холодный осенний воздух привёл меня в чувство. Тепло одеваться я не стала, разогретая дома печным теплом. И сейчас меня подтряхивало от пронизывающего влажного холода. Быстрой рысью я припустила в сторону гаража. Аким Гаврилович, наш сторож, встретил меня бойким: «Хто тама?!», выставив перед собой бесполезную незаряженную берданку. Узнав меня, заворчал, кутаясь в тулуп:

- А, это ты, Матвевна... Чего по ночам блукаешь? Не спится?

Я, чакая зубами от холода, пробормотала, словно оправдываясь:

- Завтра рано выезжать... В лес поеду.

Моё невнятное объяснение сторожа почти устроило. Что-то пробурчав себе под нос, он пошёл в свой уголок, где стояла маленькая печка-«буржуйка». Подбросил в неё коротенькие поленца и брякнул чайник на плиту. Покосился на меня и спросил:

- Может чайку горячего? А то вон вся аж трясёшься...

Я с благодарностью отказалась. Не до чаёв мне сейчас было. Завела машину и поехала к дому.

С чувством удовлетворения (непонятно откуда взявшимся), оставив машину у ворот, пулей заскочила в сени. Сняла грязные ботинки и только потом вошла внутрь. От печного тепла меня сразу стало развозить тонким слоем. Для очистки совести, глянула на тесто. Время для короткого сна ещё было. И, еле переставляя ноги от внезапно навалившейся тяжести, я поплелась в спальню. Улеглась на кровати, свернувшись клубочком, и прикрыла глаза. «Прогулка» за машиной оказала на меня благотворное действие. Уснула я моментально.

Плотный серый туман окутывал меня со всех сторон. В мертвящей тишине был слышен только редкий звук падающих с веток капель. Кап-кап-кап... Монотонно и отрешённо, почти убаюкивающе. Лохматые лапы елей смутно проглядывали из этого молочно-мутного месива — неподвижные, будто нарисованные на картине.

Мне было зябко, и очень хотелось покинуть это место, но я не знала, куда идти, совершенно потеряв ориентацию. Я обхватила себя за плечи, стараясь не дрожать. Тихо позвала:

— Эй... Здесь есть кто-нибудь?

Голос прозвучал глухо и жалко, сразу же поглощённый туманным маревом. Мне никто не ответил, но я почувствовала на себе чей-то внимательный, пристальный взгляд. Волосы на затылке зашевелились от внезапно нахлынувшего ужаса.

Резко оглянулась. Никого. Только чуть заметно качнулась колючая ветка ели. Я сделала шаг в ту сторону. И тут откуда-то издалека раздался протяжный волчий вой. Я замерла на месте, внимательно вслушиваясь, стараясь определить направление, откуда он исходил. Но это оказалось невозможно. Тягучие, словно застарелый мёд, звуки замолкли, безвозвратно поглощаемые липкой мутью тумана.

Но через мгновение вой послышался снова, только уже чуть ближе. Или мне это только показалось? Несколько секунд — тишина. А потом несколько коротких взлаиваний и опять короткая рулада воя. Так ведут себя волки, когда направляют остальных членов стаи на загон.

Не знаю почему, но я была твёрдо убеждена, что это — сигнал мне. Мыслей о том, что меня попросту заманивают, даже не возникало. Кто-то другой во мне тихонько изумился такой доверчивости. Но я не стала к этому прислушиваться, доверившись своему чутью, а оно мне говорило... Нет, не говорило — толкало туда, откуда раздавался этот призыв.

Не обращая внимания на мокрые капли, падающие с веток дождём мне за шиворот, решительно раздвинула колючие лапы ельника и пошла в том направлении, откуда шёл волчий зов. Вскоре взлаивание повторилось. Я прибавила шагу и скоро оказалась на небольшой поляне, окружённой со всех сторон могучими деревьями.

На самом её краю, по колено утопая в туманной дымке, спиной ко мне стоял человек. Одет он был в обычный брезентовый лесниковский плащ с глубоким капюшоном, надвинутом на голову. Угрозы от него не исходило, напротив — что-то притягивающее было во всей его фигуре, но сердце почему-то замерло, пропуская удар.

Я сделала ещё несколько шагов по направлению к нему и застыла в нерешительности. И тут он начал медленно оборачиваться. Слишком медленно. Будто его кто-то держал, мешая двигаться. Что-то знакомое мне почудилось в его фигуре, в этом плавном повороте головы. Я попробовала напрячь память, но без результата.

Всё внутри меня оцепенело от ожидания, сжимаясь в тугий комок. Никакой мысли бежать отсюда, сломя голову, даже не возникло. Напротив. Я знала, что эта встреча была важна для меня, для нас. Прижав руки к груди, я ждала, затаив дыхание и не отводя взгляда от человека.

И вот наконец он оглянулся. Жёлто-зелёные глаза посмотрели прямо на меня пронзительно и требовательно, а я зажала рот ладонями, чтобы не заорать от ужаса. На плечах человека была волчья голова!

Дёрнувшись всем телом, я вскрикнула от боли. Моя голова соприкоснулась с металлической спинкой кровати. Я испуганно распахнула глаза, увидела сереющий клочок неба в окне и выдохнула с облегчением.

Сердце колотилось, точно после спринтерского забега, по вискам ползли холодные капли пота. Приснится же такое! Но что-то не давало мне успокоиться окончательно. Внутри какой-то голос шептал вкрадчиво: «Ничего не бывает просто так...»

Со стоном, словно древняя старушка, я поднялась с кровати. Не могу сказать, что до появления сестрицы моя жизнь была спокойна и безмятежна. Но сейчас... В общем, ничего «безмятежного» точно не ожидалось. А тут ещё сны какие-то дурацкие! Нет бы приснилось что-нибудь эдакое, жизнеутверждающе-бодрящее, так нет! То ли люди с волчьими головами, то ли волки с человеческими телами, и никакого тебе оптимизма.

Всё ещё размышляя над своим сном, я быстро переоделась и вышла в кухню. Запах подошедшего теста говорил о том, что пора было печь пироги. Затопила печь и занялась тестом. Подобное занятие не терпит суетных мыслей и спешки, поэтому я постаралась выкинуть из головы всё тревожное и загадочное. Постаралась-то я постаралась, но это вовсе не означало, что у меня хорошо получилось.

Когда по дому пополз запах печева, дверь в комнату сестры приоткрылась, и оттуда высунулась растрёпанная голова Зойки. Она потянула носом и, глядя на меня, почему-то шёпотом спросила:

— Готовы...?
Я усмехнулась.

— Готовы, готовы... Сейчас вынимать буду. Умывайся и давай завтракать.

За завтраком мы обменивались ничего не значащими фразами, старательно делая вид, что ничего не случилось. А и правда... ведь пока действительно ничего ТАКОГО не случилось. Но на душе было мутно.

Я стала убирать со стола, и Зойка кинулась мне помогать, при этом старалась заглянуть мне в глаза, будто чувствовала себя в чём-то виноватой. Я старательно делала вид, что её взглядов не замечаю.

Чтобы не толкаться на небольшом пятачке возле мойки, я отошла к столу и, достав небольшую корзинку, выстелила дно чистой тряпицей и стала складывать в неё пирожки, чувствуя себя почти Красной Шапочкой.

Сестрица покосилась на меня и спросила:

— Кому пирожки? — Голос напряжённый, с попыткой казаться безразличным.

Настал самый ответственный момент всей моей «операции». И каким тоном я отвечу... В общем, я постаралась ответить спокойно и даже чуточку небрежно:

— Мне нужно на работу. Мужики сегодня новую деляну начинают, нужно проконтролировать.

Зойка едва заметно ухмыльнулась.

— А пирожки мужикам повезёшь? — Лёгкая горечь, смешанная с недоверием, пытавшаяся прикрыться насмешкой.

Я отмахнулась, стараясь сохранить небрежность тона:

— Мужики обойдутся. Пирожки для бабки Прасковьи. Её избушка как раз по дороге. — И, сбившись с небрежности, добавила, будто оправдываясь: — Нужно пополнить запасы корня лопуха. У неё этого добра навалом, а мне заготовками трав заниматься некогда. Сама знаешь, денег она не берёт, так что пирожки будут в самый раз. — Закончила я вполне естественно: — Хозяйство покорми. Я постараюсь побыстрее, туда и обратно.

Я мысленно выдохнула с облегчением. Особо врать мне и не пришлось, и я очень надеялась, что сестра не обратила внимания на некоторое напряжение в моих жестах.

Зойка кивнула и как-то странно посмотрела на меня. Тихо спросила:

— А ты могла бы сегодня на работу не ездить? Я думала, мы вместе в подклети записи прадеда поищем...

Я скорчила виновато-просительную физиономию и помотала головой:

— Прости... Новая деляна. Сама понимаешь. За мужиками нужен глаз да глаз. — И закончила как можно оптимистичнее: — А завтра с самого утра я в полном твоём распоряжении.

И, чтобы не продлевать эти объяснения, быстренько обулась, схватила с вешалки бушлат, подхватила корзинку и выскочила в сени. Там уже на ходу натянула куртку, путаясь в рукавах, и кубарем, словно за мной гнались черти, скатилась с крыльца.

Аргус, вышедший из своей будки встречать меня, нерешительно мотнул хвостом и тихонько с недоумением гавкнул. Я скороговоркой протараторила:

— Собака, тебя Зойка покормит... — и сама досадливо поморщилась.

Даже мой пёс понял, что веду я себя, мягко говоря, необычно. Уже около самой машины я оглянулась на дом. В окошке маячила бледная Зойкина физиономия. Я с вымученной фальшиво-радостной улыбкой махнула ей рукой.

Хлопнула дверцей уазика, завела двигатель и так нажала на газ, что моя бедная машинка чуть на дыбы не встала, словно ретивый конь, которого прищпорил неумелый ездок.

До конторы я домчала в один момент. Остановилась возле гаража и только тут сообразила, что до Прасковьиного дома на машине не доехать. Там было только два варианта: или пешком, или верхом на лошади. Второй вариант мне нравился больше.

Я развернулась и уже спокойнее поехала в конюшню.

Сегодня была суббота, и все лошади были в стойле. Сторож, он же по совместительству конюх и завхоз, встретил меня у самых ворот. Это был крупный мужчина с густой седеющей шевелюрой и окладистой чёрной бородой, в которой не было ни одного седого волоска. Он прихрамывал на одну ногу, а на правой руке не было двух пальцев. Звали его соответственно внешности — Ставр Фёдорович.

Свои увечья он получил во время валки леса, спасая неопытного мальчишку-сучкоруба. После больницы сильно запил, сделался угрюмым и нелюдимым. Вытащил его из запоя старый лесничий, работавший здесь до меня. Убедил пойти лесником, а заодно и конюхом. После этого Ставр Фёдорович, можно сказать, ожил. Но характер оставался таким же суровым, как и прежде.

Был он неразговорчив, компаний не любил, с мужиками в гараже не балагурил. Но животные его любили. Не было в деревне собаки, которая бы на него залаяла просто так. Лошади слушались его хрипловатого голоса и, словно замороженные, шли туда, куда было нужно, стоило только ему сказать.

Деревенские бабы за его спиной шушукались, что, мол, он знается с волками и те, как ручные собачонки, лаастся к нему, если повстречаются с ним в лесу. Но я думала, что они,

как обычно, преувеличивают. Скорее всего — от зависти, потому что ни на одну деревенскую кумушку он ни разу не посмотрел.

Говорили, что его жена и маленький сын утонули в паводок в реке, которая протекала недалеко от деревни. С тех пор он не женился. Жил он один на самом краю деревни в небольшом домике, построенном ещё его дедом. Большую часть времени проводил или в лесу, или на конюшне, ухаживая за лошадьми.

Ставр Фёдорович с лёгким прищуром смотрел, как я выхожу из машины и иду к нему. На моё бодрое: «Здравствуй, Ставр Фёдорыч!» — он молча кивнул и спросил деловито:

— Карьку оседлать?

Я так же молча кивнула, уже не удивляясь его способности безо всяких слов понимать, что у человека на уме. В конце концов, чем я хуже лошади? Их желания он же «считывает» только по одному их взгляду.

Через некоторое время, подведя ко мне смирную каурюю кобылку с незамысловатым именем «Карька», спросил равнодушно:

— Надолго?

В его голосе не было ни любопытства, ни волнения. Но за показным безразличием в его тёмно-серых, чуть прищуренных глазах таилась глубоко запрятанная тревога. Это настораживало и одновременно раздражало. Казалось, что все вокруг знали что-то такое, чего мне не говорили.

Не потому, что мне этого знать было не положено, а словно бы оберегая меня от чего-то. И это, честно говоря, бесило меня ещё больше. Вчера Зинаида с Венькой, сегодня Ставр... Сюда ещё прибавить Зойку со своим непонятным враньём — и картина получалась впечатляющей. Они что, все сговорились, что ли?!

Я сдержанно ответила:

— До вечера... — и протянула ему несколько пирожков, взятых из корзинки.

Бабке Прасковье там ещё много осталось, а Ставру вряд ли кто пироги печёт. Мои пирожки утонули в его огромной, как у медведя, беспалой ладони, а в глубине тёмно-серых глаз что-то дрогнуло.

Губы чуть раздвинулись — то ли в усмешке, то ли в улыбке, — и он пробасил совершенно серьёзно:

— Благодарствую за гостинец, Матвевна...

Меня так и тянуло съехидничать, мол, кушайте, не обляпайтесь, но я сдержалась. Такие люди, как Ставр, ничего и никогда зря не делают и не говорят. Может, мне и вправду не нужно знать чего-то?

Я тронула бока лошади, сразу направляя её к лесу. Через деревню вышло бы прямее, да и быстрее, но мне не хотелось афишировать свою поездку в лес. Почему? Да фиг его знает! Не хотелось — и всё!

Лес встретил меня влажной тишиной, запахом прелых листьев, тихим шёпотом ветра в сосновых кронах. Ночной ветер немного разогнал облака, и солнце, просачиваясь жемчужным светом сквозь их прорехи, скупно делилось своим уходящим теплом с засыпающим предзимним лесом. Карька шла неторопливо, аккуратно, словно канатоходец, выбирая место для следующего шага.

Я не обращала внимания на окружающую меня красоту. Мысли у меня были невесёлые. Точнее, их вообще не было. Потому что назвать этим словом то, что сейчас творилось у меня

в голове, было нельзя. Но сквозь этот хаос настойчиво пробивался один вопрос: что скрывает Зойка? А главное — почему?

Ведь между нами никогда не было никаких тайн или секретов! А сейчас... Казалось, то, что она скрывает, тяготит её, а ещё — пугает. Она боится. Чего? Ответ был, вроде бы, очевидным: какие-то гады забрали её мужа Славку в заложники. Но нет... Я же видела. Её пугает не это.

Мне даже показалось, что она была уверена: ему не причинят вреда. Не знаю, с чего я так решила. Можно назвать это «чутьём», «интуицией», да чем угодно! Но чувство было именно таким.

Я попыталась сформулировать собственные ощущения. Получилось что-то в высшей степени несуразное. Я бы себя так вела, если бы долгое время от кого-то скрывала какую-нибудь тайну, причём не свою. И вот этот «кто-то» узнал эту тайну, и ему это очень не понравилось. И он потребовал вернуть то, что я так долго от него скрывала, а в отместку умыкнул то, что было мне дорого.

И теперь я боюсь рассказать, что долгое время таилась от близких, потому что... На этом моя фантазия иссякла.

Я сердито тряхнула головой, злясь на себя за подобные глупые мысли. Кобылка подомной тут же среагировала громким фырканием. Тяжело вздохнув, я проговорила, обращаясь то ли к лошади, то ли к себе самой:

— Но ведь должна же быть причина, почему она себя так по-дурачки ведёт!

По понятным причинам Карька мне не ответила, а только пошла чуть резвее. Вообще, мне нужно было выбросить все эти глупости из головы, иначе точно кончу плохо где-нибудь в комнате с мягкими стенами.

Глава 6

Изба Прасковьи стояла на берегу небольшого озера с берегами, заросшими густыми камышами. Питало озеро несколько ручьёв, за счёт чего оно всегда оставалось полноводным. Но названия у него не было. То ли в связи с его незначительными размерами, то ли по причине утраченной памяти. Старое название забыли, а нового не придумали — примерно так.

Несмотря на древность дома знахарки, старым или обветшалым он не выглядел. Напротив. Сложенный из огромных брёвен, с основательным каменным фундаментом, дом словно вырос на этом месте, уходя своими корнями в самую глубину земли.

Крыша поросла толстым слоем плотного зелёного мха, два небольших окна с узорчатыми наличниками смотрели на озеро. Одно маленькое, почти под самой крышей, глядело на лес.

Вдоль глухой стены шёл большой навес, разделённый на две части. Одна была приспособлена под дровяник, во второй сушились многочисленные пучки трав, подвешенных на верёвках. Под навесом стояла огромная дубовая чурка и рядом лежали аккуратно связанные пучки коротких верёвок.

Вокруг дома был образцовый порядок. Ни тебе щепок, оставленных после колки дров, ни остатков стеблей после обрезки травы. Дверь с небольшим навесом и невысоким крыльцом смотрела, как и положено, на восток. Возле крыльца рос калиновый куст с остатками рубиновых гроздьев.

Я остановила лошадь возле небольшой коновязи, притулившейся сбоку от дома. Спрыгнула с Карьки, привязала её и, подхватив корзинку с пирожками, направилась к крыльцу.

Но не успела я подняться по ступеням, как дверь распахнулась, и на пороге возникла хозяйка — бабка Прасковья.

Как всегда, статная, с прямой спиной и гордо поднятой головой. Толстая седая коса была несколько раз закручена вокруг головы наподобие княжеского венца. Обычный шерстяной чёрный платок с маленькими красными розочками по краям был завязан на затылке.

Длинное до пят платье из тёмно-серой бязи было перевязано чистым цветастым фартуком с большими карманами, на ногах — мягкие домашние кожаные полусапожки с овчинной опушкой.

Она смотрела на меня, чуть наклонив голову набок. В синих глазах — затаённая усмешка.

Чуть смутившись от неожиданности её появления, я остановилась на всём ходу и пробормотала скороговоркой:

— Будь здрава, бабушка Прасковья...

У меня даже возникло желание поклониться в пояс при этом. Но делать я этого не стала. Просто стояла, переминаясь с ноги на ногу. А внутри зрело желание оставить корзинку на крыльце да бежать отсюда подальше. Ни робкой, ни пугливой меня назвать было нельзя. А тут...

Прасковья тихим грудным, глубоким голосом ответила:

— И тебе здравствовать, дитяtko. Проходи... — и сделала скупой приглашающий жест.

Не дожидаясь, пока я отлипну от места, развернулась и вошла в дом. Я покорно потрусилась за ней, пытаясь избавиться от накатившего волнения.

Внутри избы всё тоже было чисто и аккуратно. Печь делила большую комнату на две части. Одну часть отделяла от общей комнаты цветастая занавеска из той же ткани, что и фартук на Прасковье. Вторая часть служила кухней, гостиной и прихожей одновременно, как и в большинстве деревенских домов.

Никакой особой мебели здесь не было. По стенам стояли сундуки, накрытые цветастыми домоткаными половичками, а над ними было подвешено множество полок, на которых стояли различные горшочки и склянки с какими-то настоями. Ещё две лавки рядом с деревянным, выскобленным до янтарного цвета столом — вот и вся обстановка дома.

Пахло травами, берёзовым дымком и ещё каким-то терпким запахом варева. В чугушке, стоявшем на печи, что-то тихонько булькало.

Я была не впервые в этом доме, но в этот раз глаза замечали, будто что-то неуловимо сдвинулось в этом пространстве. Не снаружи, внутри. Как будто что-то было так, да не так. Слишком чисто, слишком тихо, слишком спокойно. Казалось, даже воздух был каким-то другим, более густым, словно перед грозой. Потоптавшись возле порога, я поставила корзинку с пирогами и неуклюже проговорила:

— Вот... Пирожков с клубникой напекла.

Прасковья усмехнулась уголком губ и проговорила:

— Значит, чай сейчас будем пить... Чего в дверях стоишь? Проходи, присаживайся. Гость в дом — Бог в дом. — И принялась несуетливо накрывать стол к чаю.

Несколько мгновений я не могла оторвать взгляд от хозяйки. Прасковья двигалась по дому, будто исполняла какой-то диковинный танец. Все её движения были плавными, гармоничными и в то же самое время очень точно выверенными.

Пока я у порога стягивала с ног грязные ботинки, хозяйка успела поставить на стол мисочку с мёдом, корзинку со свежими ломтями серого хлеба и небольшой металлический чайник, больше похожий на заварочный.

Я скромной мышкой уселась на лавку и, преодолевая какую-то невесть откуда взявшуюся робость, выдавила из себя:

— Венька сказал вчера, что ты просила зайти... Ну вот... — И поспешно, будто оправдываясь, добавила: — Вчера не смогла. Дел было много...

Прасковья с молчаливой улыбкой разлила отвар по чашкам, села напротив меня, подвинув к себе корзинку с пирогами. Откусила кусочек, неторопливо прожевала и покачала головой:

— Вкусные... Евдокия хорошо тебя обучила. Со всей деревни только у неё такие и выходили пироги. Будто слеплены из облаков, да летом начинённые.

Похвала была приятной, но на меня словно столбняк напал. Я молча ждала, обхватив обеими ладонями свою чашку с чаем или отваром, согревая озябшие руки.

Знахарка откусила ещё кусочек, сделала глоток из своей кружки и вдруг, остро глянув мне прямо в глаза, тихо, отрывисто произнесла:

— Зойка явилась?

Скорее не вопрос, а утверждение. Это её «явилась» прозвучало почти как обвинение.

Я кивнула головой, эхом ответив:

— Явилась...

Прасковья усмехнулась:

— Не вижу в тебе радости от приезда сестры...

Я нахмурилась. Нет, я всё понимаю — старших надо уважать и всё такое, но лезть ко мне в душу я повода не давала. Даже наша бабуля себе подобных высказываний не позволяла, уважая нашу свободу мыслей и чувств.

Старая знахарка, заметив мои нахмуренные брови, опять усмехнулась:

— Чего насупилась? Не ради пустого любопытства спрашиваю.

Я кивнула, словно соглашаясь с ней. А потом (у меня это как-то само собой получилось) вдруг выпалила:

— А ты знаешь, кем был наш прадед Евсей?

Прасковья удивлённо вскинула брови. Повторила, будто желая убедиться, что правильно расслышала:

— Кем был ваш прадед?

Я снова кивнула. Она задумалась на несколько секунд, изображая удивление, а потом проговорила с нарочитым недоумением:

— Да кем он был? Как и все здесь. Лён выращивал, лес сплавлял. Кузнечным делом баловался. Хозяйство у Евсея крепкое было... — И, чуть прищурившись, спросила, глядя на меня испытывающим взглядом: — Али ты чего другого от меня услышать ждала?

Я мысленно хмыкнула. Непроста была бабка Прасковья, ох, непроста!

Не нужно было обладать уж очень острым умом, чтобы понять — старая знахарка меня испытывает. Ещё наша бабуля говаривала, что терпение — высшая добродетель женщины. Не могла сказать, что я уж особо была «добродетельной», но кое-какой запасец терпения у меня всё же имелся.

Попытавшись изобразить некоторое равнодушие, я пожала плечами:

— Да ничего я не ждала. Просто подумала, что ты должна была знать моего прадеда. Вот и спросила... — И закончила с весьма глубокомысленным видом: — Нужно знать свои корни.

Прасковья закивала головой. Казалось, она приняла правила и стала мне подыгрывать. Проговорила наставительно:

— Правильно, дитятко... Корни свои знать надобно. А то нонешняя-то молодёжь словно Иваны, не помнящие родства, живёт.

Она досадливо покачала головой. При этом в её глазах всюю резвились весёлые чертёныта.

Я решила, что теперь пришла моя пора перейти в лёгкое наступление. Покрутила чашку с остывшим отваром в руках и, не глядя на хозяйку, спросила:

— Так зачем ты меня звала-то? Неужто просто чайку попить? — И, резко подняв взгляд, глянула прямо в синие глаза знахарки.

Прасковья дёрнула краешком губ, что означало скрытую усмешку, и протянула немного нараспев:

— Не только...

После небольшой паузы, в течение которой я успела сосчитать медленно до десяти, она спросила:

— Тебе Евдокия что-нибудь оставляла перед своей смертью?

Я слегка оторопела. Вот это вопрос так вопрос! Всем вопросам вопрос! Такого я даже при всей своей небогатой фантазии от неё не ожидала. Несколько секунд я с глупым видом хлопала на неё ресницами. А потом недоумённо проблеяла:

— Что ты имеешь в виду под «оставляла»? Она нам с Зойкой дом оставила...
Прасковья фыркнула:

— Я не вещи имею в виду! Наставления. Она говорила тебе что-нибудь такое, чего ты до этого не знала?

Я даже головой потрясла. Они что, все сговорились, что ли?! Какие такие «наставления», о которых я не знала? Тьфу ты! Я совсем запуталась!

Прасковья терпеливо ждала, пока мысли в моей голове встанут в нужном порядке. Взгляд её глубоких синих глаз был серьёзен и внимателен.

Я тяжело вздохнула. Ответила осторожно:

— Если ты имеешь в виду что-нибудь эдакое, таинственное, то нет, не говорила. — Я смущённо замолчала, задумчиво поковыряла пальцем сучок на столе и продолжила немного виновато: — Когда бабушка умирала, меня рядом не было. Я бегала за колодезной водой — она попросила.

У меня слегка перехватило горло. Я чуть кашлянула, поспешно глотнула из чашки остатки чая и закончила тихо:

— Меня не было с ней всего несколько минут. А когда я прибежала обратно, она уже умерла. А Зойка рыдала, стоя на коленях возле кровати.

Я старательно отвела глаза и стала смотреть в окно. На калиновый куст прилетела птичка и стала увлечённо клевать красные ягоды. Хорошо быть птичкой. Я горько усмехнулась своей дурацкой мысли.

Вспоминать о бабушкиной смерти было для меня мучительно.

Прасковья как-то по-старушечьи покивала головой, скорбно поджав губы, а потом пробормотала себе под нос:

— А-а-а... Значит, рядом с Евдокией в тот момент была Зойка...

Она проговорила это так многозначительно, что меня зацепило. Остро глянув на знахарку, я слегка вскинулась:

— Что ты этим хочешь сказать? Что бабушка что-то такое сказала Зойке, а та мне ничего не передала? Так, по-твоему, получается?

Прасковья грустно улыбнулась краешком губ и ответила не очень понятно:

— Получается, получается... Значит, не зря она прибежала. Похоже, началось. — Тяжело вздохнула, сокрушённо покачав головой, и продолжила ещё загадочнее: — Ох, грехи мои тяжкие... Не ожидала я, что так скоро. А ведь все признаки были, все предупреждения. Верить не хотела...

И опять вздохнула, погружённая в какие-то свои, понятные только ей одной мысли.

На меня знахарка не смотрела вовсе.

А я начала наполняться раздражением. Из её странного бормотания я уловила только одно: Прасковья знала про Зойку что-то такое, чего не знала я. Мало того, что это было обидно, так ещё больше запутывало меня в паутине каких-то тайн и недосказанностей.

Я твёрдо намеревалась не выходить из этого дома, пока не узнаю всего. Чего «всего» — пока ещё не осознавала до конца. Но и дураку было понятно, что за всем этими вздохами, да взглядами, скрывается какая-то тайна. А ещё я была уверена, что старая знахарка эту тайну знает.

Намереваться-то я намеревалась, но как отнесётся к такому моему решению сама Прасковья, было неизвестно. Вот возьмёт да и упрётся. Скажет, мол, знать ничего не знаю и ведать не ведаю. И что? Я её пытаться начну?

Подобная мысль даже при всём моём смятении показалась не только неразумной, но и дурацкой. Воображение мне тут же нарисовало картину: я привязываю Прасковью к лавке и раскаляю в печи кочергу.

Не сдержавшись, я фыркнула.

Прасковья тут же вскинулась. Глянула на меня с вороньим прищуром и с печалью в голосе спросила:

— Весело тебе?

И тут уж я не сдержалась. Выпалила, глядя с нескрываемой обидой на неё:

— Конечно! А чего бы мне не веселиться? Сестра явилась как снег на голову и врёт напрапалую, ты какими-то загадками говоришь. А я чувствую — что-то назревает. И это «что-то» ничего хорошего с собой не несёт. А я как тот дурачок, что возле церкви на паперти подаяния просит. Хожу с протянутой ладошкой, а меня всяк только пинает да гонит! И что мне прикажешь делать? Только веселиться и остаётся!

И я, сердито насупившись, стала демонстративно опять смотреть в окно.

Прасковья тяжело вздохнула и уже безо всякой витиеватости проговорила:

— Не гоношись, дитятко...

Я презрительно фыркнула на «дитятку», но промолчала. Разумеется, это не прошло незамеченным для знахарки, но она не сменила тона, а только чуть неодобрительно качнула головой и продолжила:

— Говорю так, потому как не имею права говорить по-другому. Тайна сия не токмо моя. Но вас с сестрой коснуться может. Чую я, наворотила твоя Зойка дел, а вот как расхлёбывать будет — никому не ведомо. Конечно, может статься, что и мимо буря пронесёт, но готовым надо быть ко всему. Хотя, если судить по всему — это вряд ли. Так что ты ходи да оглядывайся.

Я хмыкнула:

— Ну и что из всего тобой сказанного я должна понять? Может, тогда уж сразу — в тайгу да зарыться поглубже?

Я пыталась сказать это с иронией, а получилось как-то трагично, почти отчаянно.

Прасковья, грустно глядя на меня, ответила:

— А как хочешь, так и понимай. Ты девка умная. А более я сказать тебе ничего не могу. И так уже лишнего наболтала.

Я только головой покачала в досаде. Если это называется «наболтала», то что тогда про меня говорить?

А знахарка вдруг добавила задумчивым голосом:

— А что касемо тайги, то может статься, и такое время настанет...

Я вытаращила на неё, не хуже того барана, что смотрел на новые ворота. Она что, серьёзно это про тайгу? Ну, дожили, блин!

Не успела я как следует испугаться, как Прасковья совсем обыденным тоном, каким бабки на завалинке разговаривают, спросила:

— А что Зойка-то тебе рассказала? Чего примчалась? Сколь времени носа не казала, а тут...

Стало понятно, что «привязывать Прасковью к лавке» мне не придётся. Похоже, это она меня «привязала».

Не отвечать на её вопрос, упираться или врать смысла я не видела. Я знала, что при всей её скрытности так или иначе, но за помощью, случись чего, бежать мне больше не к кому. То, что она не говорит всего, что знает, — это одно. Но главным-то было то, что она ЗНАЕТ. Следовательно, сможет помочь в трудную минуту.

Поэтому я рассказала всё, как было: и про загадочных и непонятных «они», и про Славку, и про записи прадеда, за которыми сестрица явилась.

Прасковья слушала молча. А я, не знаю почему, вдруг в конце лягнула:

— Мне кажется, что Зойка что-то недоговаривает.

Помедлила и закончила, не сдержав горечи:

— ...А может, даже и врёт.

Старая знахарка покачала головой, поджав по-старушечьи губы:

— Ты погоди... Не торопись с выводами то. И на сестру напраслину не наводи. Зойка старшая тебе. Не скажу, что вместо матери, но отвечает за тебя, как сестре и положено. И если чего не договаривает, то это не из корысти. Убережь тебя, видать, от чего-то хочет. — И добавила с уверенностью: — Мне ли того не знать. Вы ж на моих глазах обе росли.

Честно говоря, после этих её слов мне как-то даже дышать стало чуть легче. Я только сейчас поняла, каким тяжёлым грузом лежали у меня на душе Зойкины недомолвки.

После того как затих звук голоса Прасковьи, в доме повисла давящая тишина. Мы сидели молча друг напротив друга, каждая занятая своими мыслями. Не знаю, о чём думала моя хозяйка, а я пыталась утолочь в своей голове бунтующие мысли.

И вдруг на улице тихо заржала Карька, будто её что-то встревожило. Не зверь — человек. И это словно сдёрнуло с нас какой-то морок неподвижности. Я вскинулась, глядя напряжённо в окно. Откуда бы здесь взяться человеку, да ещё в такую пору?!

А Прасковья, будто не замечая моей встревоженности, молча поднялась со своего места и стала неторопливо убирать со стола. Только её напряжённая спина да резкие движения выдавали её озабоченность.

Стало понятно: «приём» окончен. Причём окончен ничем. Если я по приезде сюда знала очень мало, то сейчас мне казалось, что я стала знать ещё меньше. По крайней мере, вопросов и загадок прибавилось.

Я поднялась из-за стола и стала обуваться у порога. Лошадь на улице больше не ржала, а только громко фыркала, точно подгоняя меня.

Прасковья молча наблюдала за мной, а потом торопливо прошла за печку и через мгновение показалась оттуда с небольшим узелком. Протянула мне со словами:

— На-ка вот, возьми. Корень лопуха. Ты ведь за этим приезжала? — И скупой улыбнулась, точно прочитала мои мысли.

Я, точно во сне, взяла узелок из рук хозяйки. И уже собираясь выйти, замерла на самом пороге и, обернувшись, как-то беспомощно спросила:

— И что мне теперь делать?

Старая знахарка посмотрела на меня без тени насмешки и проговорила, будто в раздумье:

— А ты спроси у Зойки, что ей сказала Евдокия перед смертью. Может, чего и прояснится. — И добавила, глядя на меня странным, изучающим взглядом: — От её ответа будет многое зависеть.

Я внимательно глянула на неё, словно собиралась прочитать в её глазах ответы на свои вопросы. Но взгляд синих глаз был спокойным и каким-то уставшим.

Тяжело вздохнув, я спросила:

— Думаешь, бабуля ей успела рассказать что-то такое про прадеда, что может быть важным?

Прасковья почти равнодушно пожала плечами:

— Я сего знать не могу. Но помни, что Евсею всегда сподручнее было держать в руках кузнечный молот, чем перо.

Мне ещё хотелось спросить её, что же именно будет от Зойкиного ответа зависеть, но язык внезапно сделался будто деревянным, и я только и сумела, что молча кивнуть головой, прощаясь.

Старая знахарка, чуть склонив голову набок, устало проговорила:

— Ступай, дитяtko...

На мгновение мне показалось, что она хочет ещё что-то добавить. Я замерла в ожидании уже в проёме открытой двери, и тут опять коротко заржала Карька. Теперь в этом звуке уже было слышно почти требование.

Я в последний раз глянула на Прасковью. Она встретила мой взгляд спокойно и как-то отстранённо, как будто уже была не здесь, а где-то далеко, в неведомых для меня даях.

Выйдя на крыльцо, я с облегчением выдохнула, только сейчас поняв, что внутри дома по неведомой мне самой причине всё это время сдерживала дыхание.

Карька танцевала на привязи, взволнованно фыркая. Я настороженно огляделась по стононам, не вовремя вспомнив, что забыла взять с собой карабин. Не то чтобы я боялась диких зверей, но в лесу иногда встречались существа и пострашнее зверей. В наших краях в последние годы ничего такого, вроде бы, не наблюдалось. Но всё меняется.

К тому же я помнила слова знахарки насчёт «ходи да оглядывайся». Насколько я её знала, просто так она ничего не говорила.

Я подошла к лошади и успокаивающе погладила её по морде:

— Тихо, тихо, девочка... Никого здесь нет.

Карька замотала головой, словно не соглашаясь с этими словами. Я опять огляделась.

В прибрежных камышах зашуршал ветер, и слабая рябь побежала по спокойной глади озера. Где-то в лесу вдруг заполошно застрекотали сороки, предупреждая о приближении человека.

Словно отвечая на этот звук, ветер усилился. Упругий порыв ворвался в кроны деревьев, срывая остатки жёлтых листьев с обнажённых берёз. Загудели, заволновались кроны могучих деревьев.

Кобылка заплясала на месте, чуть не вырывая повод из рук.

Едва я вскочила в седло, как Карька рванула с места, будто за нею гналась стая волков. Не ожидая такой резвости от всегда спокойной, почти флегматичной кобылки, я едва не свалилась на землю.

Меня изрядно потрепало ветками деревьев, прежде чем я смогла образумить лошадь. Натянутые поводья заставляли её храпеть и танцевать на месте. Очевидной, видимой причины для такого поведения лошади я не находила.

Но на всякий случай спустилась с седла и повела кобылку в поводу, недовольно ворча:

— И чего на тебя нашло? Никого здесь нету... Посмотри, у меня лицо из-за тебя словно я в шиповнике валялась — всё исцарапанное! От кого, от кого, но от тебя я такого не ожида-ла...

На последнем слове я запнулась, напряжённо замерев.

Карька, не иначе как вняв моим побрякам, уже не рвала повод из рук, но по её шелковистой коричневой шкуре волнами пробежала дрожь. Она косилась на меня лиловыми глазами и тихонько фыркала.

А у меня вдруг задеревенела спина, будто кто-то приложил ко мне кусок льда. Кожа на голове под волосами стала до болезненности чувствительной, ощущая малейшее дуновение ветра.

Холодная волна страха выползла откуда-то из густых зарослей, окутывая меня своей знобящей прохладой, и я была готова лететь отсюда куда подальше, не разбирая дороги, ломая кусты, как совсем недавно моя кобылка.

Но я продолжала стоять на месте, замерев, словно в один миг превратилась в камень. Нужно было оглянуться, чтобы убедиться, что позади меня никого нет. Но я не могла. Не могла себя заставить сделать это простое движение.

Преодолевая свой необъяснимый страх, я наконец медленно, всем телом развернулась назад, готовясь увидеть...

Ну конечно, никого там не было!

Берёзовый молодняк, через который меня так стремительно пронесла лошадь, что моя физиономия стала похожа на то, как если бы я дралась с кошкой, просвечивал насквозь. Листья с берёзок уже облетели, и я могла видеть достаточно далеко, чтобы не опасаться внезапного нападения со спины.

С близстоящей сосны, с нижней ветки, тяжело взлетела большая птица — и всё. От хлопанья её крыльев у меня на мгновение остановилось сердце.

А потом я громко, во весь голос выругалась:

— Чтоб тебя...!

Больше никого живого поблизости не наблюдалось.

Мне вдруг ментально вспомнились все рассказы, что шёпотом передавали друг другу наши деревенские бабки про «дурное место».

Я постояла ещё немного на месте, ожидая, когда внезапно охвативший меня холод не стечёт вниз, в сырую озябшую землю, заползая под корни деревьев. Выдохнула с некоторым облегчением, вывела Карьку на тропу и села в седло.

Лошадь сразу пошла быстрой рысью. А я её не сдерживала. Память о внезапно накатившем страхе всё ещё жила во мне, свернувшись тугим клубком где-то в затылке.

Глава 7

Домой я сразу не поехала. Было две причины: первая — мужиков на деляне нужно было всё-таки проверить, а вторая — сестра.

Моё быстрое возвращение могло вызвать у неё вопросы (про то, что у неё могли возникнуть подозрения, я предпочитала не думать). К тому же не мешало бы ещё раз обдумать всё то, что я услышала от Прасковьи.

Начала я «обдумывание» не со слов знахарки, а со своих ощущений, которые я могла бы описать только одной фразой: «Грядут испытания». Всё.

Я не знала, какую роль мне предстояло сыграть в предстоящих событиях, но точно знала одно — легко не будет. И после разговора со знахаркой мне становилось совершенно очевидно, что всё произошедшее в последнее время было лишь началом чего-то очень серьёзного.

Но, чтобы хоть как-то к этому подготовиться, нужна была мало-мальская ясность. А вот как раз с этим и были проблемы.

До деляны я добралась незаметно для себя. Обуревавшие меня всю дорогу мысли этому способствовали.

В бригаде было всё нормально, чему я и порадовалась. Правда, пришлось немного поспорить с Серёгой и даже чуть повысить голос, чтобы пробить его неумную тягу к дурацким и несвоевременным шуточкам. Но до рукоприкладства, к счастью, не дошло.

Домой я приехала уже ближе к вечеру — слегка замёрзшая, грязная, уставшая и голодная.

Зойка-умница расстаралась: приготовила обед, истопила баню и ждала меня, как примерная старшая сестра у окошечка.

Чуть позже выяснилось, что баню она топила не для того, чтобы меня умаслить, а скорее из собственных целей. Весь день она провела в подклети среди пыльных бумаг, сундуков и всякого хлама. Вид и состояние после таких раскопок имела соответствующие, что и побудило её к топке бани. Но для меня важен был итог, а не причины, которые к нему привели.

В общем, через пару часов, напаренная, чистая и почти умиротворённая, я сидела за столом и с удовольствием махала ложкой, поедая невозможно вкусный суп.

Зойка сидела напротив и с кислым видом ковыряла ложкой в своей тарелке. Я могла даже не задавать ей вопросов по поводу её «успехов». Всё было чётко написано на её физиономии.

По-видимому, она всё ж таки ждала, когда я её спрошу, а не дождавшись, вяло начала сама:

— Ничего я в подклети не нашла... Никаких таких бумаг, которые были бы датированы тем временем, когда жил наш прадед. Зато нашла бабулины кулинарные записи, где много интересных рецептов.

Я кивнула ей с полным ртом и неясно промычала что-то одобрителное.

А сестрица психанула. Бросила ложку на стол так, что я чуть не подавилась от неожиданности, а Агроном быстро шмыгнул за печь.

Посмотрела на меня с хмурым видом и сердито буркнула:

— Так мы ничего не найдём! Или будем искать до морковкиного заговенья. А у меня нет столько времени!

Не дождавшись от меня никакой реакции, кроме тихого «Господи, помилуй», сказанного с перепуга, обратилась ко мне с гневной речью:

— Ну... И чего ты молчишь? Есть какие-нибудь идеи, где ещё можно поискать? Ты же здесь живёшь! Должна знать каждый закуток. Может, есть какой-нибудь тайник?

Последнюю фразу про тайник она уже выдала жалобным тоном.

Я, закончив есть, аккуратно отодвинула от себя тарелку, сложила руки на столе и, с печалью глянув на сестру, произнесла:

— Мне на вопросы отвечать по мере поступления или начать с конца?

Зойка хмуро зыркнула на меня, но отвечать не стала. И правильно сделала. Вопрос был риторическим.

Пожав плечами, я продолжила:

— Когда дом ремонтировала, никаких тайников я не обнаружила. Эти записи, если они вообще существуют, могут быть спрятаны где угодно. Под каким-нибудь камнем — а у нас их целая куча в конце огорода, — или, например, в дупле какого-нибудь дерева в лесу. Вариантов масса. Какой тебе больше нравится?

Сестрица не ответила. Но, судя по нахмуренным бровям, ей не нравился ни один из предложенных.

Я тяжело вздохнула:

— Зойка, начинать нужно с самого начала, прости за тавтологию. А мне что-то подсказывает, что ты мне всего не говоришь. Уж больно твоя история...

Я замялась, подбирая правильное выражение, а Зойка напряглась, что говорило само за себя.

Я покачала головой и закончила:

— Она словно подвешена в воздухе. Будто взялась из ниоткуда. А так не бывает.

Сестра было открыла рот, чтобы запоздало попытаться мне возразить, но я жестом остановила её:

— погоди... Я сейчас обосную свои сомнения. Смотри, что получается из твоей истории: ты говоришь, что этим неизвестным «они» якобы нужны записи нашего прадеда. Тогда ответь мне, сестра, если это так, то почему «они» не пришли сюда, ко мне — в то место, где эти записи могли храниться? Вместо этого они сначала ни с того ни с сего следят за тобой, а потом берут в заложники твоего мужа. Согласись, получается как-то нелогично, если не сказать хуже. И тут напрашиваются только два вывода: либо ты мне чего-то не договариваешь, либо эти непонятные «они» — совсем идиоты. А вся история с «похищением» Славки — фуфло.

Я развела кисти рук в стороны и, подводя итог, безо всякой усмешки закончила:

— Несвязушечка... Ты не находишь?

Зойка нахмурилась ещё сильнее, хотя, на мой взгляд, сильнее уже было некуда. Её брови и так сошлись на переносице, образуя глубокую морщинку на лбу.

Несколько секунд она буровила меня сердитым взглядом. А потом вдруг будто сдулась. Сникла, опустив плечи, и душераздирающе выдохнула.

Потом, подняв на меня несчастные глаза, упавшим голосом спросила:

— Не пояснишь свои выводы?

Я хмыкнула:

— Какие именно? Про то, что ты темнишь, или про то, что они идиоты?

Зойка опять нахмурилась и пробормотала:

— Про то, что они идиоты...

Ёрничать мне совсем не хотелось, и я спокойно пояснила, безо всякой иронии или ехидства:

— Ну смотри... Предположим, некто вдруг заинтересовался нашим прадедом. Уже это наводит на размышления. С чего бы вдруг? Он не был никаким политическим деятелем, тайным миллионером, служителем тайной канцелярии или кем-нибудь в этом роде. Ну ладно... Предположим. «Они», копая его родословную, выясняют, что ты его правнучка. И начинают за тобой следить. Зачем? Что они надеются получить в результате подобных действий? Одно это говорит не об очень высоком интеллекте этих типов. И если бы они раскопали что-то, что их так вдруг заинтересовало, или, скажем, надеялись что-то найти, они должны были прямоком бежать туда, где он жил. Другими словами — сюда. И логичнее было бы предположить, что если и существует какая-то тайна, то она должна быть спрятана именно здесь. А кто здесь живёт в доме прадеда? Правильно, здесь живу я. Но они следят не за мной, а за тобой. Значит, именно ты дала понять, что что-то знаешь о той тайне, которая им интересна. К тому же, судя по твоим словам, ребята это серьёзные. Настолько серьёзные, что наше КГБ нервно курит в сторонке.

Я подалась чуть вперёд и тихо спросила:

— Так какую ты знаешь тайну, Зойка?

Если бы Зойка сейчас стала кидаться ложками или, скажем, орать на меня, настойчиво повторяя, что я сошла с ума и нуждаюсь в помощи психиатра, я бы, наверное, выдохнула от облегчения. Это была бы её обычная, очень честная и искренняя реакция. Но она сидела, стиснув руки на коленях и не глядя на меня, сердито сопела, словно барсук в норе. Я ждала. Торопиться нам, вроде бы, было некуда. Но с каждой прожитой молчаливой секундой мне становилось всё страшнее и страшнее. Господи, куда мы опять вляпались?!

Наконец, сестрица, положив руки, сомкнутые в «замок», на стол, посмотрела на меня с грустной усмешкой и проговорила:

— Тебе бы в аналитики в наше КГБ или, на худой конец, в МОССАД... Деньги бы лопатой гребла. А ты — в лесники подалась, да ещё в такой медвежий угол забралась. Угораздило же...!

Я пыталась расслышать в её словах иронию или хоть какой-нибудь намёк на ехидство, но нет — ничего подобного в её тоне я не разобрала. Напротив, она была серьёзна, как никогда, словно и вправду обладала полномочиями предложить мне работу в вышеупомянутых структурах. Я ждала. Но Зойка замолчала, словно вообще не собиралась больше говорить. Я вздохнула и тихо произнесла:

— Давай, я тебе помогу немного... — Она вскинула голову и удивлённо глянула на меня, словно не доверяя своему слуху. Я утвердительно кивнула. — Ответь мне только на один вопрос: что тебе сказала наша бабуля перед смертью? Это как-то связано со всем происходящим сейчас?

Зойка испуганно отшатнулась, чуть при этом не свалившись с лавки, будто я ей задала не вопрос тихим голосом, а в лицо кипятком плеснула. Она вся как-то напряглась, губы у неё задрожали, и Зойка проговорила внезапно охрипшим голосом:

— Откуда ты... — Я смотрела на неё с жалостью. Ох, не хотела бы я сейчас быть на её месте. Она вдруг как-то сдавленно всхлипнула, опустила голову и проговорила тихо: — Ну да... Всё началось именно тогда, после смерти бабули. Я не говорила тебе, не хотела тревожить.

На тебя тогда и так всё навалилось разом. А потом... Потом я вляпалась, и уже поздно было всё рассказывать...

Становилось понятно, что сегодня мне предстоит побить все рекорды по терпению. Но перебивать сестру я не стала. Ей нужно было выплеснуть всё наболевшее. А Зойка продолжала лепетать:

— Но ведь я же не знала... Даже не думала, что это может быть ТАК серьёзно. Мне казалось, что это просто... игра...

Нет. Пожалуй, с рекордами я повременю. Я протянула руки через стол и положила свои ладони на сжатые до побелевших костяшек пальцы сестры. Поймала её мечущийся взгляд и спросила тихо, глядя ей прямо в глаза:

— Зойка... ЧТО тебе сказала бабуля перед смертью?

Она замерла испуганным зайчонком и ответила едва слышно:

— Ничего такого... на первый взгляд...

А я подумала, что и на второй, и на третий ей тоже это не показалось чем-то «таким», раз она столько времени молчала об этом. Зойка шмыгнула носом. Пальцы на её руках слегка расслабились, и она попыталась освободить их от моего спокойного пожатия. Я не стала препятствовать. Отведя взгляд в сторону, с тяжёлым вздохом она проговорила:

— Ты тогда на колодец за водой побежала, помнишь? — Я кивнула. Мой кивок Зойку слегка подбодрил, и она продолжила уже в более быстром темпе, не глядя на меня: — Бабуля вдруг за руку меня взяла и попыталась с подушки приподняться. Я кинулась ей помогать. Её речь была отрывиста и несколько бессвязна. Я даже подумала, что она бредит. — Я сурово нахмурилась. Зойка облизала вдруг пересохшие губы и выпалила на одном дыхании: — Она сказала, если дословно: «Сохраните тайну. Ноша тяжела, но вам она по силам. Никому не показывайте начертанное Евсеём, опасно. Теперь судьба Рода в ваших руках». — Сестра виновато глянула на меня и, совсем упавшим голосом, закончила: — Это всё.

Я сидела истуканом за столом и с недоумением смотрела на сестру. Даже часы, мне показалось, тикали не так громко, как обычно. И довольного мурлыканья Агронома тоже не было слышно. Отмерев, я потрясла головой, будто пытаюсь стряхнуть с себя липкую тишину дома. После встречи с Прасковьей мне почему-то казалось, что стоит мне узнать, что сказала бабуля перед смертью, — и картина сразу прояснится. Ведь бабка Прасковья намекала на это почти открытым текстом! Но... фиг тебе! Ничего и не собиралось проясняться! Я постаралась не горячиться. Так... погодите. Нужно дослушать Зойку до конца. Тогда, возможно, я и пойму чуть больше.

Но Зойка, как назло, замолчала, глядя на меня вопросительно, словно ожидая, что я ей сейчас выдам на блюдечке все тайны, скрывающиеся за словами бабули. Мы посидели, плясая друг на друга пару минут, пока я не вытерпела:

— Ну...? И дальше что?

Зойка вздохнула разочарованно. Пожала плечами, скорчив при этом недовольную физиономию:

— А что дальше?

Я нахмурилась, еле сдерживаясь, чтобы не взорваться. Начала сквозь зубы, буравя сестрицу взглядом:

— Зойка... Не дразни гусей. Моё терпение вот-вот закончится. Я тебя русским языком спрашиваю, что было дальше. Смерть бабули и её похороны можешь опустить. — И добавила чуть ли не по слогам: — Что ты предприняла дальше, что к тебе прицепились эти «они»? Ведь это произошло не просто так, на ровном месте... И даже не пытайся меня убедить, что я ошибаюсь!

Она опять тяжело вздохнула и принялась каяться:

— Ну, где-то с полгодика мне было не до всяких там тайн. У меня отчёт и прочие рабочие моменты, сама знаешь. — Я сжала ладонь в кулак, борясь с желанием захватить сестрицу по уху. Мои эмоции она считала верно, потому что торопливо продолжила: — В общем, не помню уже точно, как это было... То ли у нашей компании были какие-то дела с историко-архивным институтом, то ли я где-то что-то прочла — теперь уже не скажу. Но в душу это название мне запало. И я решила покопаться в архивах, чтобы узнать прошлое нашей семьи. Я зачастила в читальный зал института. Вот там мы с ним и познакомились. Весьма солидный дядечка в годах. Знаешь, такой импозантный, с галантными замашками, словно из девятнадцатого века. Разговорились. Он то ли научный сотрудник, то ли заведующий кафедрой — я толком не разобралась. Да мне и не особо это было интересно. Он так захватывающе рассказывал про историю нашего края, что я просто заслушивалась. Знал он много. А ты же знаешь, как я люблю общаться с интересными людьми. — Я опять кивнула со свирепой физиономией, давая понять, что лирические отступления она может смело пропускать. Она, чуть сморщив нос, вернулась к своему повествованию: — Звали дядечку Холмогоров Вельямин Петрович. Он несколько раз приглашал меня на кофе, и как-то незаметно мы с ним стали хорошими друзьями. И, разумеется, я ему сказала, что меня привело в архивы.

Я закатила глаза, выражая тем самым своё отношение к Зойкиной безответственности. Сестра нахмурилась и с раздражением произнесла:

— Не делай, пожалуйста, такое лицо, будто я сделала что-то страшное. Разумеется, я не говорила ему ни про тайну, ни про прадеда. Просто сказала, что интересуюсь историей семьи, своими корнями. — Она сердито фыркнула: — Ты уж совсем меня считаешь безмозглой дурой!

Я слегка усмехнулась. Гневалась сестрица напрасно. Дурой я её вовсе не считала. Да и порыв её мне был весьма понятен. Тут, как говорится, знал бы где упасть... Правда, соломкой в нашем случае, я чувствую, мы уже не обойдёмся. Разумеется, я её с самым серьёзным видом заверила, что таких преступных мыслей насчёт её умственных способностей даже и не держу, и попросила продолжить повествование. Чуть пофырчав раздражённой кошкой, она и продолжила:

— В общем... Как-то незаметно этот Веньямин стал довольно частым гостем в нашем доме. Они со Славкой даже, кажется, подружились. Славка-то тоже ещё тот краевед! И в его просьбе показать ему наши семейные фото я не углядела никаких преступных замыслов. Всё было как-то естественно и непринуждённо. Сказал, что, мол, ему, как историку, интересно всё. У меня даже в мыслях не возникло никаких подозрений. Он был таким открытым, обаятельным... — Она грустно вздохнула.

А я насторожилась:

— Почему «был»? Он что, умер?

Зойка, отвлекшись от своих воспоминаний, с удивлением глянула на меня, будто я брякнула невесть какую глупость:

— Почему умер? Надеюсь, жив... — Она в досаде махнула рукой: — Хотя лучше бы умер, гад такой!

Переход от благостного «такой обаятельный» к «такому гаду» был очень стремительным. И я вопросительно уставилась на неё в ожидании объяснений. Зойка с потерянными глазами покачала головой. Воскликнула, чуть ли не заламывая руки:

— Если бы мне кто раньше сказал, что я могу вот так, как последняя лохушка, пустить непонятно кого в дом...!!!

Я с преувеличенным «удивлением» поинтересовалась:

— Он что, обокрал вас?

Сестрица нахмурилась, строго проговорив тоном старшей сестры, вразумляющей младшую, когда та расшалилась:

— Не ёрничай! — Потом, вспомнив, видимо, кто из нас «как лохушка», несколько сникла: — Можно сказать и так... Только я сразу этого не заметила и, соответственно, не всполошилась. Сначала он просто пропал. Телефон, который он мне дал для связи с ним, не отвечал. Я отправилась в институт, чтобы узнать, что случилось. Всё-таки человек он пожилой, мало ли. И ты не поверишь, что я узнала там...!!!

Я хмыкнула.

— Дай, догадаюсь... Такого человека в институте никто и никогда в глаза не видел и знать не знал, кто он такой. Правильно?

Зойка с подозрением глянула на меня и недоверчиво спросила:

— Как ты это поняла?

Я пожала плечами.

— Зная, чем всё это закончилось, догадаться было нетрудно. Так что он у вас спёр?

Сестрица тяжело вздохнула и принялась мямлить:

— Да, вроде, ничего особенного... Я и заметила это только тогда, когда поняла, что меня провели как...

Я невежливо её перебила:

— ...как последнюю лохушку. Можешь опустить эмоциональные отступления. Посыпать голову пеплом мы всегда успеем. Конечно, если у нас на это будет время. Конкретнее говори.

Зойка нахмурилась. Мои слова ей не очень понравились, но она также понимала, что я была права.

— Да несколько фотографий из семейного альбома. Ещё от бабули остались. Там несколько мужиков из нашей деревни стоят на фоне нашего дома. Среди них и наш прадед Евсей. — И добавила, будто рассуждала сама с собой: — Ума не дам, на кой ему понадобились эти фото? — И она глянула на меня, ожидая, по-видимому, что я ей сейчас отвечу на все вопросы.

Я провела ладонью по лицу, словно стирая начавшее подниматься внутри меня раздражение.

— Таких умных слов, как «идентификация», я тебе говорить не буду, а то ещё скорбеть начнёшь. Думаю, ему хотелось убедиться, что тот, кого они ищут, имеет непосредственное

отношение к нашей семье. Другими словами, что ты потомок Евсея. Ты же наверняка хвасталась ему, тыча пальцем в фотографию, что вот он — наш прадед Евсей? Так?

Зойка уныло кивнула головой. А потом, приложив руки к груди и посмотрев на меня взглядом больного кролика, проблеяла:

— Васька, но откуда же я могла знать... У меня и в мыслях не было про коварство этого типа! Ты бы его видела! Весь такой уважаемый, умный, обходительный. А голос какой! Он меня прямо-таки завораживал! А оказался обычным проходимцем!

Отчаянью сестры не было предела. Мне её было жаль, но продемонстрировать я этого не стала. С грустной усмешкой проговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.